

Борис Георгиев

rust mode
main code = 505 7624 19
lex : root number = 36
com and expected

J-Print #1
polynomial dimension =
-rit n = 0556 13755

AC3T - Hyper

X1

X2

ИНВАРИАНТЫ Яна

САЙНСПАНК

Борис Георгиев
Инварианты Яна

«Издательские решения»

Георгиев Б.

Инварианты Яна / Б. Георгиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748733-1

Многие считали, что Ян Алексеевич Горин неплохо устроился. Директор института математики и теоретической физики — не где-нибудь на Баффиновой Земле, а в Триесте, на побережье Адриатики. Губа не дура у этих учёных — рядом замок Мирамаре, роскошный парк. Неплохое место для научных занятий. И всё же мало найдётся безумцев, согласных поменяться с Яном Алексеевичем местами после того, что произошло однажды в его институте. О том, что там случилось, читайте в романе Бориса Георгиева «Инварианты Яна».

Содержание

Глава 1. Найти выход	6
Глава 2. Глаз да глаз	15
Глава 3. Дышать нечем	26
Глава 4. Померк экран	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инварианты Яна Борис Георгиев

© Борис Георгиев, 2016

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Найти выход

Охранник дал короткую очередь на бегу, заскочил за угол, прижался спиной к стене. Перед глазами – силуэт Стрелка, возникший в проломе. Надо же так нарваться в двух шагах от тайника! Какой узкий коридор!.. Попробовать?..

Додумать он не успел. Рядом хлестнуло будто хлыстом. Полетели ошметки штукатурки. Ах ты ж, курва! Он стал отступать вдоль стены в надежде, что отыщется дверь. Карту он помнил неплохо, но не был уверен, туда ли свернул, спасаясь от смерти. Вот засада! Что поделывать, лезешь в тайник Стрелка – будь готов встретиться с ним самим.

Охранник сглотнул слюну. Руки тряслись. Двери всё не было. А ведь пятился-то метров десять, не меньше. Одно хорошо – темно здесь. Стрелок будет как на ладони, если сунется. Но хрена ли он сунется? Сначала даст пару очередей в темноту из-за угла или бросит гранату. Залечь? Патронов не вагон. Где же сволочная дверь? Нету. Пару шагов – и всё, а то, раком пятясь, недолго на кровососа нарваться. Неизвестно ещё, кто хуже. Если...

Ему почудилось, что на экран легла тень. Сработал инстинкт – охранник машинально заблокировал игру и погасил изображение. Сырое подземелье отпустило не сразу: дышалось тяжело, тряслись руки. «Собачья жизнь», – подумал он. Оглянулся.

На светлом кафеле – солнечные пятна. За стеклянной дверью пустая дорога, стриженные кусты, весёленькая черепичная крыша железнодорожной станции Мирамаре. Никого, просто почудилось.

Иваныч – так почему-то все звали охранника, – посмотрел в зеркало, прицепленное к окну для удобства, чтобы бдить, не отрывая задницы от сиденья. В зеркале пустая дорога, подпорная стенка из тёсаного камня, навес автобусной остановки. Струится над разогретым асфальтом воздух, над кронами акаций выцветшее предвечернее небо. Никого и ничего. И всё равно ведь дверь закрыта.

Иваныч – чёрт знает, почему все так называют, ведь отчество-то другое, – потянулся с хрустом, решил: надо размяться, раз уж всё равно вывалился из игры. Он встал, неловко стукнув стулом, – в ногах иголки и шея затекла, – подошёл к двери, проверил для порядка. Заперто. Он прошествовал вразвалку к другой двери, внутренней; открыл, выглянул. Его окутало сухим жаром, запахом сухотравья, стрекотаньем цикад. Сощуриться пришлось – солнце. «Дерьмо какое!» – подумал он с неожиданным ожесточением. Три широкие ступени от проходной. Крутым изгибом сбегала по склону котловины дорога – к парковой зелени, к серым спинам институтских корпусов и от них к зажатой меж двух утёсов бухте. Там-то не жарко, подует с моря бриз. Охранник хмуро глянул на запад, где похожие на корону шпили замка Мирамаре, затем – мельком – на осточертевший маяк.

– Говорят, скоро всё это кончится, – сказал он.

– Пи-и-тиу! – откликнулся с соседней акации совершенно человеческим голосом дрозд.

– Кончится, – упрямо возразил Иваныч. – Я сам слышал от Горина, что жизни институту осталось – дни. Физики месяц назад съехали, а математики... Кто это там?

По лестнице Дирака – каково название! эти физики!.. – по узкой лесенке от одного корпуса к другому кто-то спускался, мелькала в прорехах живой изгороди белая фигурка. «Женщина», – понял Иваныч, но кто из них не разобрал. «Спускается к Галилео? Не спешит. Может, к морю, а может, и сюда. Скоро шестичасовый в Триест. На автобус?.. Без разницы. Пока спустится да поднимется, можно найти тайник. Или пускай пристрелят, раз такое дело».

Охранник хмыкнул, покрутил головой, послал привет крупной птице, заходившей в разворот от солнца, вернулся на рабочее место. Внутреннюю дверь оставил нараспашку, чтоб не застали врасплох. Никому не полагалось знать, что украшение институтской проходной, эта электронная развалина, годится на что-нибудь путное и подключена к Сети. Зачем терминалу

системы видеонаблюдения Сеть, Иваныч не знал. Водворившись в сторожке четыре года тому назад, первым делом проверил и с удовольствием убедился, что Сеть есть. Подарок судьбы. Можно было не убивать время на итальянские пейзажи, а заняться любимым делом.

Торопиться не следовало. Когда на экране снова возникли осклизлые стены подземелья, охранник первым делом проверил патроны. «Отбиться хватит, дальше посмотрим. Залечь, подождать Стрелка... О, ё-о!»

Когда прервал игру, был, как оказалось, в шаге от двери. Провалился во тьму, будто в колодец рухнул. Крутнулся на месте. «Что?! Что случилось?!» Наставил автомата в прямоугольник мертвенного света. Понял: «Вот же она, комната! Нашлась, подлая! Некогда головой крутить, Стрелок ждать не станет. Вот оттуда он вломится, слева».

Какой-то рокошущий звук.

«Это автобус, – привычно отметил Иваныч. – Почему так рано сегодня? Та в белом не успеет, будет до шести часов куковать на станции. Ну и ладно, её проблемы». Он усилием воли вытряхнул из головы мирское, сосредоточился на главном.

В дверном проёме – скудно освещённая стена коридора. «Ничего-ничего. Всё как на ладони, даже трещинки видно. Ну! Где ты?!» Охранник тронул пальцем клавишу гашетки, и тут ему почудились шаги за спиной. «Здесь что, есть второй выход? – он запаниковал, резко обернулся, не снимая пальцев с клавиатуры. «Кто это?! В бронекостюме. Целится», – Иваныч с силой вдавил сразу несколько клавиш, чтоб увернуться и ткнуть крестиком прицела в очкастый шлем, но куда-то исчезла прицельная метка и ствол тоже. «Это в реале, а не там?» – с безмерным удивлением подумал он. Вскочил, повалив кресло.

Человек в бронекостюме повёл головой. Чернолаковый блик на очках шлема. Шевельнулся ствол автомата. «У меня же в кобуре!..» – вспомнил охранник. Шарил рукою, пытаясь найти клапан кобуры; сорвал его; выхватил пистолет, успел подумать: «Патроны!» – но тут что-то жарко рвануло в груди. От боли Иваныч выронил оружие. Попробовал выдернуть сунутый в самое сердце калёный кол... Почудилось – фигура Стрелка плывёт и двоится в мерцающем свете, затем изображение треснуло и осыпалось осколками.

Четвёртому номеру группы захвата, Чезаре Рокка, показалось: вот сейчас автобус обязательно вмажет на повороте в ограду. Пронесло на этот раз. Он поймал двумя руками поручень, когда за пузырьём лобового стёкла махнули в сторону железобетонные плиты.

– Прямо у проходной останови, – лениво проговорил командир группы.

Чезаре покосился на водителя.

Тот не ответил, свистел себе что-то под нос, пошевеливая рулём. «Он всегда так ездит? – подумал Чезаре. – Или специально для нас? С виду спокойный, а замашки как у римского таксёра. Не в радость ему вся эта история. Да и чему радоваться? С маршрута сняли, помыкают. Смешной дядька. Может, он вообще не уважает карабинеров? Проходная – это вон та коробка. Ближе уже. Хорошая мысль – подъехать на рейсовом. Если охрану предупредили... Да ладно тебе дёргаться. Сидит там, внутри, какой-нибудь пентюх, жиром заплыл. В кобуре – кабачок. В Африке было хуже».

Чезаре вспомнил, как всё это было в Объединённой Североафриканской Республике, и поморщился – будто снова унюхал запах горелого трупья. Такая же проходная, но без крыши и с провалами вместо окон, только внутри не толстозадые увальни и в кобурах у них не кабачки. На какое-то время специалист по проникновению, номер четвёртый группы захвата, выпал из действительности.

Командиру группы, Родриго Борха по прозвищу «папаша Род», было не до приятных воспоминаний. Паскудный беспилотник тащился над морем, и казалось, он просто висит.

На экране ничего, кроме воды. «Ага. Ну, наконец-то!» – Родриго удовлетворённо кивнул, когда камера самолёта-шпиона поймала полоску пляжа.

Мелькнули скалы, парковые дорожки, дом корабельного вида, полоска дороги. «Сейчас покажет нас», – решил командир группы, но автобуса не увидел. Щербатая линия гор накрепилась, уползла из поля зрения – страдающий от качки на палубе сторожевого катера пилот принудил машину заложить вираж и набрать высоту. «Ага, вон в чём дело. Ловко», – сообразил Борха, когда на экране коммуникатора снова появились горы. Беспилотник, подражая морским птицам, развернулся против воздушного потока и парил теперь, держа весь объект в поле зрения камеры. Первым делом командир группы нашёл на экране маяк Виттория, затем...

Родриго схватился за поручень, чтобы не упасть. «Чёртов водила», – выругался он про себя. Снова зацепился взглядом за маяк, высмотрел крышу Мирамаре, провёл пальцем по кривульке аллеи, отыскал верхнюю площадку лестницы с дурацким названием. «Ага, эти уже на месте», – подумал он, обнаружив четыре муравьиные фигурки. Синие точки маркеров. Свои. Третью группу искать не стал. «Теперь себя найти», – он прокрутил изображение к северу, нашёл серую змею страда Костиера, засёк крышу автобуса. Подумал «Поворот!»

Опять едва устоял на ногах. Наградить бы придурка за рулём парой ласковых... Папаша Род сдержался, буркнул: «Прямо у проходной останови». Водила чем-то понравился командиру группы, а задание – нет. «Кажется, он тоже северянин. Задание гнусное. Опять институт. Вечно с учёными выходит какая-нибудь пакость. Надоело до зарезу. К чему такая спешка? Подняли по тревоге, ни тебе плана, ни ориентировок. В группе одни бычки. Как этот вот».

– Чезаре! – прикрикнул командир.

– А?!

– Сосиску на. Проверка связи, – вполголоса проворчал папаша Род.

«Вообще многовато новых рож в подотделе. Того долговязого из третьей четвёрки впервые вижу. Прикомандированный? Тоже, небось, тупой контуженый придурок. Другие к нам не идут, а когда идут, так наши их не берут. Всё, пора».

Рыкнул двигатель, автобус против всех правил вильнул влево, чихнул тормозами и резко остановился.

Чезаре Рока машинально надвинул прозрачный намордник, протопал по салону следом за номером третьим и выскочил наружу. Папаша Род показал: «обойди справа», Чезаре перехватил автомат и двинулся первым в обход автобуса, думая: «Назвался проникателем, проникай теперь. Потихе, не спеши выскакивать. Здесь тень, а там солнце в глаза, или... Нет. Порядок». Он нырнул в тень шестиметровой стены, сделал короткую перебежку, прижался к шершавому холодному железобетону. «Интересно, что по ту сторону», – подумал он и глянул на папашу Рода. Тот просигналил: «Вперёд, вперёд!». Верно, раздумывать некогда.

Чезаре двинулся к проходной вдоль ограды, держа автомат наизготовку. «Зря стараемся, – думал он. – Никто нас не ждёт. Камера на углу. Вертячка. Хрен знает куда смотрит. Автобусу в борт. Может, ещё где? Нет. Вот так номер: стекло у них тут, как в магазине. Дверь хилая. Ногой пнуть. Наверняка внутри толстяк с кружкой в руке. Ну-ка...»

Он сделал шагок в сторону, держа под прицелом центр нелепой стеклянной двери проходной, заглянул внутрь и тут же отступил. Просигналил командиру: «Вижу одного. Прикройте, вхожу». Самому Чезаре просьба прикрыть показалась смешной. Да, это, господа мои, не Африка. Увалень спиной к двери, в монитор пятится. Пентюх. Камуфляж на спине чуть не лопается. Зайти, похлопать по плечу, сказать: «Привет, малыш, смена пришла!»

Не дожидаясь, пока подойдёт папаша Род и плюгавый номер третий, Чезаре Рока выдвинулся из-за косяка, подёргал ручку. Заперто.

Стриженный затылок шевельнулся. Он услышал? Разбить стекло...

«Не светись!» – скрипнул в наушнике голос папаша Рода. «Пошёл ты!» – подумал Чезаре, примерился пнуть ногой и в тот же миг увидел физиономию охранника. «Удивлён. Кобуру лапает. Ищет свой кабачок».

Чезаре прицелился в пятнистую тушу. «Почему шарит по столу? Тревожная кнопка? Надо бы... Ого!» Не кабачок вовсе у пентюха в руке оказался.

Приметив ствол, Чезаре тут же дал короткую очередь.

Стекло хрупнуло, как корка льда на луже, если на неё наступить. На миг пятнистая фигура исчезла в паутине трещин. Чезаре знал, что попал. Отскочил влево, убрался из сектора. Умение действовать в стычках механически не однажды спасло ему жизнь.

Род выкрикнул что-то; в ушах у номера четвёртого шумело, он не разобрал, чего хочет командир.

«Вот тебе и увальень. Мог меня завалить. Запросто. Может, он не один там? Две пули в брюхе, это точно. Ну-ка...»

– Стой! – предостерег папаша Род. Прячься по другую сторону от двери, размахнулся и дважды треснул по недобитому стеклу прикладом.

– Давай!

«Орешь на ухо», – подумал номер четвёртый и сунулся в пробоину. Охранник лежал ничком, подвернув под себя руки, пистолет валялся рядом. Ерунда. «Этот не выстрелит, холодный. А другие?»

Никого больше не оказалось в сторожке – ни живых, ни мёртвых.

Тщательно обследовав помещение, Чезаре вышел на крыльцо проходной, оглядел территорию, вернулся. Папаша Род как раз осматривал труп.

– Есть кто? – спросил он, не поднимая головы и не отнимая пальцев от шеи увальня.

– Какие-то бабы. Две. Далеко, метров двести.

– Две-ести! Этот холодный. Зачем ты его завалил?

Рокка молча указал пальцем на пистолет. Папаша Род скривился, подобрал оружие и вытряхнул на пол обойму. Та пусто лязгнула о плиты у ног номера четвёртого. «У пентюха патронов не было?» – изумился Чезаре и подобрал, чтобы убедиться.

– Пустая. Матерь божья... Какого хрена он пушку вытаскивал?

Род пожал плечами, переступил через тело, направился к внутренней двери. На ходу бросил:

– Русский.

Сказанное дошло до Чезаре не сразу, папаша Род успел выйти на крыльцо. Стоял там, навесив на шею автомат и поигрывая за спиной разряженным пистолетом.

– Да по мне хоть японец! – крикнул номер четвёртый, сообразив по ходу дела: начальничку теперь придётся писать рапорт, потому и злится. – Так и что, если русский?!

– Они все тронутые. Я знаю, у моего брата жена русская.

– А мне откуда было знать? На нём не написано, что он... Послушай, с чего ты вообще взял, что он русский?

– Все они здесь такие. Учёные к тому же. Физики. Математики. Ориентировок не дали, но кое-какие данные по объекту... Этот институт... Чезаре!

Командир нервничал. Сначала номеру четвёртому показалось, что ведётся артподготовка и за ней последует начальственный пистон, но папаша Род говорил всё громче, а имя вообще выкрикнул. «Что такое?» – удивился Рокка. С места не двинулся. Чего дёргаться, если у тронутых русских физиков и математиков обычно разряжены пистолеты? Его заинтересовал экран монитора. Там тоже валялась в луже крови пятнистая тушка, а рядом похаживало жуткое синее чучело в бронекостюме и с автоматом в руках.

– Такой ночью приснится – топором не отмашешься, – шепнул номер четвёртый, проникатель, протянул руку нажать клавишу, но тут в уши ему ввинтился нечеловеческий визг. «Это оттуда, с территории», – понял он.

– Стоять! Стой, стреляю! – заорал папаша Род. Чезаре подскочил и кинулся на подмогу.

Инна Гладких нетерпеливо пристукивала каблучками, прохаживаясь по усыпанной хвоей площадке у входа в корпус Галилео. Поглядывала на перевитую плющом арку Дираковой лестницы, посматривала на рыжие пятна сосновой коры и нависшие игольчатые лапы, подсвистывала дроздам-пересмешникам.

«Опаздывает Света», – подумала она и наподдала носком туфли по завалившейся шишке. В нижнюю ступень лестницы не попала (недолёт), но кое-чего всё-таки добилась – из самшитовых зарослей фурией выскочила чёрная кошка.

– Арнольда! – позвала Инна.

Нервная животинка на миг застыла, после в два прыжка пересекла узкую лестницу, скрылась с глаз.

«Жрать вечером не дам паршивице», – мстительно пообещала девушка и немедленно об этом забыла. Легко на душе, весна! Солнечные зайцы на розовых стенах! Андрюша сегодня что сказал!.. «Ах, Инка, кошка ты, кошка», – Она укоризненно покивала, запрокинула голову, обхватила плечи руками, чтоб не улететь от счастья ко всем чертям. Туда, где сквозило в мохнатых хвойных кучах солнце.

Всё бы здорово, но сидит в сердце раздвоенной сосновой иголкой мерзость. «Какой всё-таки Ян свин, да и вообще все они хороши», – уголки губ сами собой поползли книзу, опустились руки. Инна снова глянула на лестницу. «Вот она, старушенция, приковыляла. Свет Васильевна. И опять во всё белое вырядилась».

Невысокого роста темноволосая женщина спускалась небыстро: лестница узка и крута, за что прозвана лестницей Дирака. Если не смотреть под ноги, недолго шею свернуть. И длинная же! От террасы замка Мирамаре, от самой верхней площадки, мимо корпуса Энрико Ферми к площадке у корпуса Галилео тянется аккуратно, уступами. Спускалась по ней весёлым вечером, мая двадцать шестого числа Берсеньева Светлана Васильевна. С головою опущенной долу она аккуратно ступала; не из боязни упасть, а просто на душе тяжело, гирею давит беда, не сбросить. Бессильна. Кому весна, а кому и ночь без сна.

– Однако и копуша же вы, Светлана Васильевна, – упрёком встретила её Инна Гладких. В ответ получила улыбку весьма невесёлую, потому что в ушах у Светланы Васильевны отдавалось: «Одна» – остального она не расслышала вовсе.

– Да вот, бродила в розарии, некому было напомнить, – виновато ответила Света, добавив про себя: «Потому что одна».

Она окинула взглядом гибкую, в стилизованном под матросский костюм платье, гладенькую фигурку мисс Гладких. Поджала губы, прогнала нехорошие мысли.

– Скорее, Света, пропустим автобус.

Берсеньевой хотелось брякнуть наперекор: нечего страдать по сбежавшему автобусу, за ним обязательно будет следующий, но слова застряли в горле комом. Она молча дала увести себя под локоть.

Инна щебетала не хуже дрозда, тащила Светлану Васильевну по затенённой аллее, клонила к плечу кругловатое, как у индианки, личико, косых взглядов не замечала. «Индианка Инна истинная Инь, – думалось Свете. – А где Инь там и Ян». Снова пришлось сдерживать гнев. «Душно. Не со зла ли я так...»

– Что вы говорите, Света? Азалия?

Инна критически осмотрела встрёпанный шар азалии, подобравшийся к самой дороге, согласилась:

– Да, в этом году, и вправду, зацвела раньше.

– Нет. Я спрашиваю, сказала ли я, что ничего пока не выходит хорошего с вашими частотными коэффициентами?

– Сказали-сказали, – погрузнев, молвила младший научный сотрудник Инна Гладких. Локоть Светы выпустила, губки надула и целых десять шагов шла, изображая обиженного ребёнка.

«Она ни в чём не виновата!» – подумала Берсеньева. Хотела выдумать что-нибудь утешительное. Не понадобилось. Мадемуазель Гладких внезапно изменила траекторию, опять вцепилась в локоть и стала улещивать.

– Ну, Светочка, ну вы ещё попробуйте, а? Я завтра утром дам поправочную характеристику. Может, нужно пока исключить особые точки? Может, в них дело? Я всё исправлю, вы только...

– Поздно.

– То есть как это поздно? – изумилась Инна, умерив льстивый тон. Продолжила и вовсе резковато:

– Ничего не поздно. Вот и Ян Алексеевич сам показал мне, что особые точки многообразия... Э-э... То есть что я говорю? Хотела сказать, особые точки орбиобразия...

«Ян ей всё самолично показал. Его Безобразнейшее Орбиобразие Ян. С особенностями». Снова тёмный прилив. Света вонзила в ладонь ногти и прикусила губу.

Инна всё лезла с пояснениями:

– И сказал ещё, что инварианты его тензора в окрестностях особых точек...

Берсеневой хотелось рычать. Вместо этого она улыбнулась так мило, как смогла и сказала:

– Инночка, я вовсе не о тензоре Яна говорю и не о ваших с ним проблемах. Мы на автобус опоздали.

– То есть как это опоздали? Мне обязательно надо... Не может быть! Всего-то двадцать минут шестого! Не бывает, чтобы автобус раньше!

– Бывает. Вон там я только что видела его, на повороте.

До проходной оставалось метров двести, никак не меньше.

Света прислушалась. Странный звук, как будто молотком провели по радиатору отопления.

– Так пойдёмте же быстрее! – Инна потащила Берсеньеву за собой. – Сегодня в будке Иваныч, если нас увидит, обязательно попросит водителя... Кто это там у него?

Возле сторожки черноголовая фигура в диковинном костюме. Карабинер? С крыльца спустился и, нелепо выставил автомат. Прошёлся к одному углу, потом к другому. Вот и ещё один – у входа.

– Инна, погоди, там что-то не то.

Госпожа Гладких не слушала, тянула, как собака на поводке. А в сторожке было худо. Через открытую дверь видно – на полу кто-то в пятнистом комбинезоне.

– Иваныч?! – громким шёпотом проговорила Инна.

– Туда нельзя, – предостерегла Берсеньева, борясь с нехорошим предчувствием. «Если это то, о чём говорил Ян, нам теперь никуда нельзя. Эти не шутят».

Тот синий, который осматривался, вошёл внутрь.

«Надо вернуться, предупредить всех, – думала Света. – Глупая девчонка туда рвётся. Чего ей так приспичило в город? Эти могут и пристрелить. Охранника уже».

На крыльцо проходной вышел карабинер и остановился в позе победителя. На шее у него висел автомат, лица за щитком шлема не было видно.

– Иваныч! – крикнула Инна, вырвалась и пустилась бегом.

Тот на крыльце выпростал из-за спины руку с пистолетом.

– Назад, глупая! – Светлана Васильевна бросилась догонять.

«У него пистолет. Будет стрелять».

Инна визжала; карабинер пятился к двери, что-то крича. «Зачем я спешу? – подумала на бегу Света – Её пристрелят, и всё кончится. Нет человека, нет проблемы. Господи, о чем я?!»

– Да стой же, Инка! – страшным голосом завопила Берсеньева, поймала наконец оглашенную.

До проходной метров десять, пистолет нацелен прямо в грудь Инне Гладких.

Наружу выскочил второй карабинер с автоматом наперевес. Теперь, когда никто не визжал, получилось разобрать, чего хочет человек с пистолетом.

– *Altola! Fermo o sparo!*

– Бон... бонджорно, – неуверенно ответила Инна и сделала попытку вырваться. – Пустите, Света, я хочу... Это же полицейские? Кто-то напал на проходную, их вызвали. Света, там Иваныч. Пустите!

– *Fermo o sparo!* – повторил карабинер.

– Инка, это не полицейские, – шепнула Берсеньева. – Хуже бандитов. Он говорит, будет стрелять.

Справилась, получилось увести девчонку. Та брела, поминутно оглядываясь. Светлана Васильевна теперь была совершенно спокойна. Всё шло, как и должно было идти, вот только Иваныч... «Как его звали-то по-настоящему? Не помню. И уже не до него. Ян говорил, что сделать сразу, когда они заблокируют входы. И ещё говорил: на территорию они не сунутся, ведь...»

– Ай! – вскрикнула Инна.

«Что такое?»

Светлана Васильевна, искала причину и тут же нашла. Навстречу им выскочил из тисового лабиринта ещё один бандит. Долговязый, в таком же, как у них у всех, одеянии. Заметил женщин, двинулся навстречу.

– Бо... бонджорно! – пискнула Инна, ловя Берсеньеву за руку.

– Хорошо у тебя с итальянским, – похвалила Светлана Васильевна, наблюдая за карабинером.

Тот на ходу что-то делал со своей головой и сделал-таки – снял шлем. Оказался на поверку молодым и симпатичным на вид человеком. Воровато оглянулся, зыркнул в небо. Сказал на чистейшем русском.

– Здравствуйте. Где я могу найти господина Горина?

– Зачем он вам?

– И что вы сделали с Иванычем?! – грозно спросила госпожа Гладких.

«Берет поправить не забыла, – мысленно отметила Берсеньева. – Обнаружила новый объект. Сердце красавицы склонно к чему-то».

– С каким Иванычем?

«Что он там, вверху высматривает? – забеспокоилась Берсеньева – А, понятно. Беспилотник. Мы теперь под наблюдением. Да-да. Ян говорил, так и будет».

– С нашим, с нашим Иванычем! – возмутилась Инна. – Который там, на проходной! Милейший человек, мухи не обидит, а вы его...

– Об этом после. – Верзила насупился, продолжил официальным тоном:

– Институт математики и теоретической физики блокирован решением Совета по борьбе с распространением запрещённых технологий. Мне нужно говорить с директором института Яном Алексеевичем Гориним. Проводите меня к нему. Я хочу видеть...

– Этого человека? – ядовито продолжила за него Светлана Васильевна; молодой бандит больше не казался ей симпатичным. – Для начала давайте присядем и побеседуем, а после посмотрим. Вот, кстати, вход.

– Вход куда?

– В корпус Галилео. Адские ворота пока предложить не могу, это позже.

– Больше похоже на бомбоубежище, – проворчал бандит. – Жуть, поздний конструктивизм. Но пожалуйста, следом за вами хоть в самый ад.

Говоря это, искоса посматривал на Инну. Та фыркнула и первой направилась к двери.

Бандит последовал за нею с готовностью и даже поспешно. Светлана Васильевна, перед тем как войти, глянула на крылатого шпиона. Покачала головой. Думала о том, что предстояло сделать.

Родриго Борха заново оглядел территорию объекта глазами беспилотника только после того, как выпроводил медиков вместе с их тележкой, на которой продолговатый чёрный мешок, перетянутый ремнями. Не до того было, да и незачем. Зона ответственности группы на ближайшие сутки – проходная. Охранять снаружи ограду не требовалось, на то и полицейское оцепление, чтоб отгонять любопытных и туристов, а вот за перемещениями чёртовых учёных надо следить. Не то чтобы папаша Род опасался, что кто-то из физиков-математиков попробует сбежать, нет. Шестиметровая стена, три выхода, все перекрыты. С юга обрыв, море. Есть пляж, но в море дежурит катер. И всё-таки Родриго Борха беспокоился. Пёс их знает, чем тут занимались русские. Не зря ведь вся эта петрушка с блокадой.

– Мне говорили, где-то тут во время войны был бункер, – проговорил вполголоса Чезаре. Сидел на месте охранника, за монитором. Тоже, значит, нервничал. Родриго посмотрел поверх плеча напарника на экран, хмыкнул. «Какая-то чёртова игрушка. Дурью мается». Он наклонился, выдернул из розетки шнур и ответил:

– Был тут бункер. Потом из него сделали лифт на пляж. Мать меня сюда возила купаться. Тут санаторий был, пока не разорился, потом какой-то умной заднице пришлось в голову пустить сюда высоколобых.

– И что здесь теперь?

– Боишься? – Папаша Род ухмыльнулся и добавил, тыча пальцем в опустевший экран. – Поменьше играй в русские игрушки. Страх – штука заразная.

– Да ну! Кое-кто, я вижу, уже заразился. Разряженным пистолетом грозил бабе.

Папашу Рода передёрнуло, когда припомнил лицо русской. Кто другой, а он знал, чем заканчивается общение с их бабами. Взять хотя бы жену брата. Как-то раз...

– Так что там теперь? – переспросил Чезаре.

– Нас не касается. Наше дело не дать никому смыться и увезти это самое, что они тут настрогали на наши задницы. Будем здесь, пока не явится инспектор Совета по борьбе с чёртовыми технологиями.

– Дохлый номер. Проторчим дня два. Чтобы ублюдки-инспектора оторвали задницы от диванов в выходные? Да ни в жисть. Дармоеды вонючие.

– Полегче с выражениями.

– Сдаётся мне, кто-то заразился-таки русскими страхами. Махал я инспекторов с прибором.

«Давай-давай, махальщик, – подумал Родриго Борха, – контуженым закон не писан. Если б ты знал то, что знаю я... Ладно. Инспектор наверняка давно внутри. Возможно, даже не один. То-то мне показалось...» Он глянул на экран коммуникатора и присвистнул.

– Чего там?

Папаша Род ответил не сразу, сначала убедился – нету больше на территории института фигурки, меченной синей точкой. «Может, просто померещилось», – подумал он. Ответил подчинённому:

– Сползаются. Теперь глаз да глаз.

Глава 2. Глаз да глаз

В холле Галилео – полумрак, шаги звучали странно. Будто не три человека вошли, а ввалилась толпа. Стук каблучков, шарканье, покашливание, негромкий оклик, сухой треск выключателя – привычные звуки, многократно повторённые эхом, стали невнятным ропотом, головами призраков. Но вспыхнули под потолком, налились светом белые трубки ламп; сумрак сбежал, сгустившись в углах, а призрачный ропот смолк, когда грохнула дверь.

«Обычный гостиничный холл», – осмотревшись подумал инспектор. Действительно, с тех пор как здание перестало быть санаторным корпусом, обстановка поменялась мало. Даже стойка администратора осталась и, как во всех дешёвых гостиницах мира, виднелись за невысокой перегородкой угловатые затылки мониторов. «Сейчас меня поселят», – подумал инспектор.

Будто бы в подтверждение, Светлана Берсеньева прошла за стойку, открыв и закрыв за собой откидную доску. Не присаживаясь, пощёлкала клавишами компьютера и глянула на гостя, словно ждала, что тот справится о наличии мест.

– Он подключён к Сети? – спросил инспектор.

– К институтской – да, а к глобальной – нет. Да вы и сами должны бы знать. Решением вашего же иезуитского Совета...

– Ну зачем вы так непочтительно об иезуитах! – Инспектор хохотнул, ища, куда бы пристроить шлем.

– Давайте сюда свой горшок, – предложила Инна. – Вон там у нас одёжный шкаф. Или вы предпочитаете, чтобы утварь хранили вместе с посудой?

– Я предпочитаю, чтобы шлем спрятали в сейф.

– В сейф? – переспросила Светлана Васильевна. – Это можно устроить, если так вам будет спокойнее.

– Так будет спокойнее вам.

Берсеньева в сомнении изогнула бровь, но ничего не сказала, просто протянула руку над стойкой, не прекращая нажимать клавиши другой рукой.

– Что вы там набираете? – поинтересовался инспектор, передавая шлем. – Осторожнее с ним.

– Как вас зовут? – вопросом на вопрос ответила Берсеньева.

– Называйте меня Владимиром. Да осторожнее же!

Берсеньева чуть не выронила шлем.

– Тяжёлый, – улыбнулась она. – А фамилия? И заодно отчество.

Инспектор перегнулся – глянуть, что

она там делает. Лязгнул замок, скрипнула дверь. «Ага, там сейф. Как будто специально поставлен. Отчеством интересуется. Соврать?» Ко лжи инспектор испытывал отвращение.

– Обойдётся без, – ответил он.

– Как знаете, господин без. Давно ли вы, Владимир, служите в этом вашем Совете?

– Давно ли я? Пожалуй, недавно. Но это не относится к делу. Давайте обойдёмся не только без отчества и фамилии, но и без оскорбительных выпадов в адрес Совета. И давайте не будем превращать разговор в обмен шпильками. Я просил проводить меня к директору, вы вместо этого изображаете Мисс ресепшн, и... Что вы там всё время клавишами щёлкаете?

– Миссис ресепшн выполняет необходимые формальности. Ну, вот и всё.

– Что – всё?

– «Аристо» теперь знает про вас. И остальные тоже.

– Лучше бы обо мне узнал Горин. Кто этот Аристо? И кто остальные?

– «Аристо» – бигбрейн, а остальных вы сейчас увидите. Я всех позвала сюда, в том числе, конечно, драгоценного вашего Горина.

– Не моего, а вашего,

Губы Берсеневой дрогнули «Что с ней? Обеспокоена. Зачем-то внесла в базу. Но я ведь кроме имени не сказал ничего!» Не дождавшись ответной колкости, инспектор спросил:

– «Аристо» прорицатель? Что он умеет определять по имени?

– По имени почти ничего, но остальное вы ему расскажете сами. Лицо он уже знает, радужную оболочку считал, а характер дело наживное.

– Тут камеры повсюду?

– И не только камеры, микрофоны тоже. «Аристо» слушает вас.

– И не только вас, – вмешалась Инна. – Старичок Аристотель всех здесь слушает.

– Но зачем? Что за тотальная слежка?

Светлана Васильевна принуждённо улыбнулась:

– Вы слышали, Инночка, как инспектор спецслужбы возмущается тотальной нашей слежкой? И это после того, как мы увидели в небе любопытную птицу.

– Да, я совсем забыл, я же душитель свободной науки. Насылатель беспилотных устройств. Но уверяю вас, даже я ещё не дошёл до того, чтобы следить за каждым шагом подчинённых. Это Горина выдумка?

– Нет, – ответила за Берсеневу Инна. – Это выдумка наших матлингвистов. Их вина. Правда, Светлана Васильевна?

– Что? А, да. Это наши происки. Но заметьте, мы это делаем с общего согласия. Так проще копить лингвомассивы. Всё равно никто, кроме «Аристо», не имеет права лезть в первичные данные. К стати о правах. К чему вам открыть доступ?

– Ко всему. Но вы ведь без Яна Алексеевича не можете?

– Теперь могу.

«Торжествует, иначе это не назовёшь. Что она там нащёлкала? К чему это представление? Просто тянула время?»

– И вы теперь тоже всё можете, – продолжила Светлана Васильевна, глядя на инспектора с вызовом. – Об одном прошу, не торопитесь делать выводы, чтоб не вышло беды. Ну, я пойду, а вы оставайтесь. Скоро все здесь соберутся. Дождитесь своего Яна Алексеевича.

Она вышла из-за стойки, не закрыв за собой планку.

– К проходным не приближайтесь! – предостерег инспектор. – И не поднимайтесь по лестнице к парку Мирамаре. Вас могут убить.

– Могут убить? Завидная перспектива. Над этим надо подумать. Но вы побеспокойтесь лучше о себе самом. Пока будете в институте, не суйте куда не нужно нос и ничего не трогайте руками.

– Но мне-то можно? – спросила Инна. – Немножко ручками потрогать, а? Пока все соберутся, я... потрогаю мои коэффициенты, подставлю в тензор. Можно, Светлана Васильевна?

– Можно. Тебе теперь можно потрогать тензор Яна ручками, можно даже ножками.

Дождавшись, пока она выйдет, Инна скорчила рожицу и показала язык, потом спохватилась: «Ой!» Юркнула за перегородку, придвинула стул, уселась и с бешеной скоростью затахтела клавиатурой.

Инспектор некоторое время молча обдумывал то, что услышал, потом спохватился: «Теряю время!» – облокотился о стойку и небрежно спросил:

– Кто она такая?

– Она? Как бы вам сказать... – раздумчиво протянула Инна, уставившись в экран. – Это зависит от... О ком вы вообще? А, вы про Светочку нашу. Она доктор физмат наук, завождем.

– Завождем? Я думал, минимум заместитель директора. Серый кардинал, – сказал Володя. Присматривался к собеседнице: «Тип лица европейский, но что-то в ней есть... мон-

гольское, что ли. Скулы широкие. Лицо овальное, подбородок... Слушает вполуха. Губы полные, прямые. Волосы прямые, тёмные. Глаза – миндалевидные, карие. Глаза её... А ну-ка, не забывайся».

– Серый кардинал? Да, Светлана Васильевна кардинальная женщина. Уж если потребуются кого-то заместить... Э! Что я тут напоролась на радостях? Конечно, четвёртый инвариант после этого уехал. Как вам это понравится, а? Дурёха.

– Надо взглянуть, может и понравится.

Инспектор и ментально оказался за перегородкой, прихватил по дороге стул.

– Что тут у вас?

– Да что тут у меня может быть, глупость сплошная, – уныло отозвалась девушка, ведя пальцем по столбцу чисел. Справа в квадратном окошке экрана ворочалось, дышало, шевелило иглами диковинное существо, похожее на морщинистого ежа.

«Какой-то вектор. Собственные значения? Четвёртый инвариант, говорит она, уехал. Слиплись корни характеристического... Ладно, это не твоё дело, инспектор. Она опять ушла в себя. Вопрос ей».

– И какой отдел тиранит Светлана... э-э Васильевна?

– Тиранит? – слабо возмутилась Инна, потом забормотала скороговоркой: – Он прав. Да потому что он говорил же: плотный спектр, а я ему: почему плотный? А он такой. То есть, не всюду такой, только местами уплотняется, как раз там, где эта гадость. Потому и поплыли корни в окрестности... А? Да! Что ты... то есть, что вы спрашивали? Какой отдел? Математической лингвистики, конечно, какой же ещё. Структурный анализ, функциональная семантология, реляти... Да что же со мной? Здесь заведомо метрика не гладкая. Ян говорил ей, я сама слышала, что нужно делать при подходе к сингулярности.

– И что она Яну ответила?

– Очень мне нужно подслушивать, о чём они ворковали, —

«Ёж» пропал с экрана, вместо него появилось поле ввода.

– Она его обхаживает? Метит в замы?

– Подождите, вы мешаете. Она уже пометила зама. Я знаю, что делать! Инна стала заполнять поле ввода короткими строками команд.

Скрипнула и тут же грохнула дверь.

«Мне пока ни к чему светить физиономией, лица рассмотрю после», – решил Володя. Живо переставил стул так, чтобы оказаться спиной к любому, кто подойдёт к стойке. «Бог с ним, с экраном, я лучше за её лицом понаблюдаю. Объективно говоря, она красотка. Не морочит ли голову? Несёт всякую чепуху, сама тем временем набирает, что нужно. Думает, я полный остолоп. Шаги. Кто-то сюда идёт».

Некто подошёл, подшаркивая, подкашливая, и рокотнул хриловатым уютным басом: «Эх-хм, индианочка, здравствуй», – Владимир услышал негромкое сипенье, и – пф-ф! – как будто лопнул пузырёк с паром на поверхности варева. «Он курит трубку. Сладковатый запах. Табак не из дешёвых». Перегородка жалобно скрипнула под тяжестью локтя курильщика.

– Здра... Виделись недавно, Дмитрий Станиславович.

«Индианочка – это он в точку. Похоже, и ей понравилось, улыбнулась ему. Или он ей вообще симпатичен».

– Со мной да, виделись, – благодушно басил Дмитрий Станиславович. – А с... пф-ф! С трубкой мой – нет.

– Тьфу на вас и вашу трубку, я опять сбилась! Снова накручу из-за вас в коэффициентах.

– Тебе не с коэффициентами крутить надо, Инночка. Послушай старого врача, возьми – пф-ф! – этого вот молодого человека, который с тебя глаз не сводит, и покрутись – пф-ф! – с ним в парке, пока мы тут будем... Кстати, ты не в курсе, зачем Ян Алексеевич нас – пф-ф! – всех сюда кликнул?

Снова хлопнула дверь. Инспектор вздохнул с облегчением, когда кто-то позвал дискантом: «Митя! Ты слышал? Это правда?» Необходимость обернуться и познакомиться с курильщиком отпала. «Чего раскудахтался? – спросил тот. – Ничего я не слышал, рассказывай». Они неразборчиво забубнили на два голоса, дискант вскрикивал, бас гудел ровно.

– Надымил! – проворчала Инна.

– Он врач?

– Постольку поскольку. Вообще-то он психофизик. Но если надо, может и... Не понимаю. Такое впечатление, будто в пустоту отправила. Ни ответа, ни привета. Ну-ка я ещё.

«В пустоту отправила? Она кому-то пишет?» – подумал инспектор, но глядеть на экран не стал – неудобно.

Дверью хлопали ежесекундно, потом, надо думать, бросили её нараспашку – инспектору стало сквозить в затылок. Разноголосица казалась спокойной, пока некая прибывшая дама не запищала с порога: «Катенька, вы видели в бухте сторожевой катер?!» Тут уж все загомонили разом.

– Я думаю, катер из Гриньяно. Что? Говорили, там завтра регата.

– А беспилотник видели? Тоже скажете из Гриньяно?

– Тихо, Катька, дай послушать!

– Я собиралась в Триест. И вот, значит, бегу себе на шестичасовой...

– Так вот зачем нас Ян вызвал! А я говорил.

– Что ты говорил, зая?

– Надо было вместе с физиками ехать, вот что.

– Тихо же! Митенька, что вы говорите?

– Да, Дмитрий Станиславович, вы были у Яна? В чём дело?

– Эг-хм! Дело в том, что...

– Убили его! Понятно? Просто застрелили! Понятно? Я сама видела амбуланс!

– Что? Кого убили?

– Да откуда же мне... Чёрный мешок! Понятно?

«Теперь из-за чёрного мешка я ничего не разберу. Душка доктор был у Горина, но две минуты назад зачем-то дал индианочке понять, что не был. Возьмите-ка его на заметку, господин инспектор. Весь остальной ор...»

– Содом! – проворчала Инна Гладких и закрыла уши ладошками.

– Зая, ведь мы же с тобой договорились, – увещевал женский голос. Очевидно, жена оттащила мужа к стойке, чтобы галдёж не мешал воспитательной работе.

– Не поминай пока об отъезде, – говорила она. – Это самое настоящее предательство. Бросить Яна? Ты должен понять, если мы побежим как крысы...

– Считаешь, лучше остаться в крысоловке? Хотя теперь-то выбора нет. Отъезд! Пиши приехали. Теперь разве что в Гриньяно, морем, кверху брюхом.

– Глупые шутки! Может, Ян с ними договорится, ведь до сих пор как-то устраивались.

– А где сам Ян?! – крикнул кто-то поодаль.

– В бункере у себя спрятался, – язвительно ответил строптивый муж.

– Ян? – растерянно проговорила индианка.

«Испугана, ошарашена, встала даже. Не верится ей во что-то, – отметил инспектор, изучая выразительное личико Инны Гладких. – Может, Горин явился наконец? Пора мне вернуться к учёному сообществу лицом».

– Дмитрий Станиславович! – неприятным тенором выкрикнул некто. – Нужно поговорить! Срочно!

Инспектор вскочил и стал высматривать, кто сказал. Мужчина. Голос высокий, не очень приятного тембра. Галдеть стали меньше; тот, кто пришёл, снизил тон:

– Дмитрий Станиславович, вы здесь? Я вас не вижу!

«Мит!.. Славо!.. Авович!» – отозвалось на разные голоса собрание, потом Володя услышал ответное ворчание:

– Здесь я. Чего вы, как в лесу?

Хоть Володя и был чуть ли не на полголовы выше самого высокого из собравшихся в институтском холле, однако разобрать сразу, кто позвал и кто откликнулся, не смог. Море голов. «Они притихли. Начальство услышали? Вон он от двери пробирается, как сквозь заросли зверь. Рыжий, волосы женские. А Дмитрий Станиславович – вон та седая копна».

– Дмитрий Станиславович, – сухо проговорил в наступившей тишине тенор, – необходимо...

И тут этот человек, к досаде инспектора, заговорил вполголоса. Над седой шевелюрой поднялось облачко дыма. Инспектор, кляня себя за нерасторопность, выбрался из-за стойки и полез через толпу – поближе к тем двоим.

– Но это невозможно! – гудел бас. – Ян Алексеевич...

«Осторожнее! – возмущались те, кого инспектор слегка подталкивал, чтоб дали дорогу. – Э! Что вы как на торжище?! Ох-х... Извини. Да это не я, меня толкнули в спину».

Убелённый сединами психофизик успел выпустить второе облако дыма, пока Володя протискался ближе.

– Я официально вам заявляю, – раздражённо говорил тенор. – Поверьте, Дмитрий Станиславович, сейчас не до шуток. Это не обычная амнезия, много хуже. Он как четырёхлетний ребёнок. И надо же, чтоб именно сейчас! Я похож на шутника?

Нисколько не был похож на шутника человек с неприятным голосом. Солиден был, ростом выше среднего, пышноволос. Манеры имел значительные. Шею держал так, словно всё время хотел отстраниться от собеседника, чтоб рассмотреть получше. «Но, может, просто от дальнорзости, – отметил инспектор. – Лицо вытянутое, подбородок с ямкой, нос длинный, прямой, глаза серые. Смотрит как-то стеклянно. Определённо дальнорзкость. Борода стрижена, одет тщательно. Кажется, склонен к самолюбованию. Это и есть Горин?»

– Да я понимаю, что не до шуток, – ответил Дмитрий Станиславович, окутавшись дымом. – Я просто не верю, чтоб он сам на такое решился. Из всех видов интеллектуального самоубийства этот способ самый изуверский. Да и зачем? Пф-ф!

«Самоубийства? Ещё один труп?» – ужаснулся инспектор и полез вперёд без оглядки на приличия.

– Позвольте! Дайте пройти! Ян Алексеевич!

Оба повернули к нему головы. Дмитрий Станиславович – плотный, какой-то даже квадратный пожилой мужчина, повёл плечом, отступил, дал дорогу, изрядно потеснив при этом соседей. «А, приятель индианочки!» – сказал он без тени улыбки. Видно, не до приятелей Инны Гладких ему и вообще ни до кого – напряжённо что-то обдумывал. Инспектору недосуг было разбираться в причинах задумчивости психофизика, требовалось немедленно поговорить с директором. Смертей хватит.

– Ян Алексеевич Горин? – обратился он к рыжеволосому. – Я вынужден сообщить вам, что Совет по борьбе с распространением запрещённых технологий принял решение установить в вашем институте особый режим. Нужно немедленно предупредить всех сотрудников, чтобы исключить возможные коллизии.

Володю подвергли тщательному осмотру, потом он услышал:

– Кто вы такой?

Тон оставлял желать лучшего. В холле стало тихо.

«С чего это он так высокомерно?» – удивился инспектор и ответил:

– Инспектор особого отдела Совета. Называйте меня Владимиром.

– Я полагал, что буду иметь дело с... – рыжеволосый осёкся, пробормотал в сторону: «Особый отдел? Не ожидал. Доверяй, но проверяй», – потом потребовал:

– Документы!

«Первый, кто усомнился, – отметил Володя, протягивая карточку. – Это надо запомнить. Но, может быть, просто из любви к порядку? Да. На фото – ноль внимания».

– Что значит специальный режим, Ниночка? – спросили рядом.

Владимир забрал карточку, отметил, что ледок в серых глазах директора подтаял, стало заметно беспокойство, вполне понятное, если учесть обстоятельства.

– Господин Горин... – начал инспектор.

Договорить ему не дали.

– Кхе! Кто здесь Горин?

– Вы ошибаетесь, господин инспектор, я не Горин. Я Сухарев. Андрей Николаевич. Заместитель Яна Алексеевича. В силу некоторых обстоятельств вам придётся иметь дело со мной.

– Андрюша! – крикнули поодаль. «Это Инна», – узнал инспектор. Сухарев повернулся на голос.

– Андрей, я ничего не понимаю! Что-то случилось с массивами! Ты слышишь?!

– Да, – едва шевельнув губами, сказал Сухарев.

– Я ничего не меняла, это не я! – с отчаянием голосила индианка, всё громче и громче. – Я подставила в тензор, просто проверить хотела! И «Аристо» мои коэффициенты принял! Мне Светлана Васильевна разрешила! А теперь... Андрей!

Центр зала очистился сам собой, люди жались к стенам, только Дмитрий Станиславович с места не тронулся да Сухарев да ещё Володя, поскольку всё равно не понимал, что произошло.

– А теперь там ничего нет! – страшным голосом выкрикнула Инна.

– Кто-то затёр массивы. Какой-то паршивец, – сквозь зубы выцедил Андрей Николаевич. Инспектора смерил взглядом с ног до головы.

Инспектор сказал:

– Послушайте, вы, заместитель Яна! Бросьте ломать комедию и объяснитесь толком. Почему я должен выслушивать оскорбления сначала от заведующей отделом, потом от заместителя директора, вместо того чтобы поговорить с ним самим? Вы хотите взять на себя ответственность за последствия? Потрудитесь тогда выполнить распоряжение Совета о специальном режиме и оповестить сотрудников института, что с семнадцати тридцати сего дня и вплоть до особого распоряжения никто не имеет права покидать территорию института. Запрещено передавать информацию, оборудование и материалы наружу. Считаю долгом предупредить, что бойцы спецподразделений получили приказ применять к нарушителям режима любые меры вплоть до крайних. Когда я говорю о передаче информации, подразумеваю любые данные и любой способ передачи, включая сигнальщиков и почтовых голубей. Предупреждаю, эфир сканируется постоянно, не рекомендую пытаться установить связь в любом частотном диапазоне.

– Добро пожаловать в концентрационный лагерь, – сказали в толпе.

– За что нас удостоили такой чести? – спокойно спросил старый психофизик, держа на отлёте погасшую трубку.

– Совет получил информацию, что научная работа Яна Алексеевича Горина представляет опасность для человечества.

– Проинформировал же кто-то.

– А мой Петя утром уехал в Венецию.

– Считайте, вы теперь в разводе.

– Глупые шутки, зая, ты бы лучше помолчал.

– Говорил я...

– Андрей, ты не понял?! – сказала Инна. – Всё затёрто, пусто! Слои, поля состояний, поля отношений, матрицы связей, семантическая база, всё!

– Но когда я собирался сюда, всё это было на месте, – пробормотал Сухарев, глядя поверх голов. – Ты не ошиблась, Инка?

– Сам посмотри, – простонала девушка.

Инспектор посторонился, чтобы Андрей Николаевич не задел его плечом.

– Над чем он работает? – спросил Владимир у психофизика, флегматично прочищавшего трубку ёршиком.

– Собираете сведения? Над тем же, над чем и все мы. Изучает человека.

– То есть? Мне казалось, этот предмет далёк от математики и теоретической физики.

– А он, видите ли, ближе, чем вам казалось. Принято считать, что физика теперь занимается одной теорией гравитации. Всеми этими гиперструнами, петлями... Чем там ещё? Динамической триангуляцией. Но, как видите, остались ещё ископаемые физики, которым интересно, что внутри.

– Внутри чего?

– Внутри кого. Себя. Впрочем, лично до меня не дошла очередь, начальство не позволяет. Начальство решило начать с себя, и, кажется, преуспело в начинании.

– Вы о Сухареве? – Володя спросил нарочито небрежно, следя за реакцией собеседника.

– Вообще-то Андрей Николаевич всего лишь вождь племени топографов мозга. Видите, как индианка на него смотрит? Я про Горина.

Володя оглянулся и отметил – Инна, если и не боготворила Сухарева, кумиром его сделала. Надо сказать, вытянутая физиономия Андрея Николаевича более всего напоминала теперь лик идола. Та же рельефность черт, оттенённая мертвенной экранной подсветкой, та же деревянная неподвижность.

– Формально он заместитель директора и, если принять во внимание то, что случилось с Яном, – бубнил психофизик, – действительно пролез в директора. Теперь именно его вам придётся казнить за фокусы Горина. А Ян, выходит, сам наказал себя за...

– Что?! Горин покончил с собой?!

– Пусти... те пиджак. Экий вы, – кхм! – вспльчивый. А я-то думал, холерики среди секретных сотрудников не встречаются. Покончил, но не окончательно. Правду сказать, лично я предпочёл бы смерть, но каждому своё.

– Прощу внимания! – возгласил Сухарев.

Володя выпустил лацкан пиджака Дмитрия Станиславовича, повернулся и обнаружил новоиспечённого директора в двух шагах от себя. «Быстро очухался; хоть лик деревянный, но духом упруг. Кажется, хочет перехватить инициативу. Ну-ну. А вы, господин инспектор, наблюдайте и слушайте. Что всё-таки с Яном? Каким боком его работа прислонилась к топографии мозга? Чем он занимался? Метризуемые пространства... Джей-преобразования... Вместо разговоров по делу приходится копаться в какой-то уголовной дряни. В человека заглядывать. Тьфу!»

– Прощу внимания! – повторил заместитель Яна. – Обстоятельства, вынудившие меня принять полномочия директора...

Собрание ответило невнятным ропотом.

– Я говорю, – возвысил голос Сухарев, – что временная, я подчёркиваю, временная недееспособность Яна Алексеевича вынуждает меня принять его полномочия. Чтобы исключить кривотолки, разъясню: всем вам хорошо известно, что Ян Алексеевич проводил на собственном мозге серию опытов по неразрушающему сканированию и декодированию массивов информации. Я прошу, помолчите! Теперь нет смысла скрывать. Все мы в той или иной степени причастны к работе, и по мнению этих господ (Сухарев указал на инспектора) виновны. Институт блокирован. Насколько я понимаю, до окончания расследования мы под арестом.

– Временная недееспособность? Скажи точнее, Андрей, что с Яном?

Сухарев повернулся на голос. Инспектор заметил: «Он прикрыл рот рукой. Врать собрался?»

– Мне трудно сформулировать точнее, – ответил заместитель директора, поглаживая кончиками пальцев рыжую бороду. – Но я попробую. Сегодня в неустановленное время и по неустановленной причине, предположительно при очередном сканировании, личность Яна Алексеевича Горина подверглась разрушению. Поскольку на территории института присутствуют посторонние (Сухарев покосился на инспектора), не исключён злой умысел. То есть, я хочу сказать, что нельзя со стопроцентной вероятностью объявить происшествие несчастным случаем.

Он поднял руку, помедлил, пережидая, пока уляжется шум, и продолжил:

– Это не всё. Кому-то показалось недостаточным искалечить Яна, кто-то сделал больше. Алгоритм декодирования, как вы знаете, был практически завершён, оставались кое-какие проблемы с обратным переносом, но как раз сегодня я узнал от Горина, что есть способ обойти...

– Мы можем попробовать восстановить личность, – робко предложил женский голос.

– Не можем.

– Почему? Пусть не удался последний скан, но есть ведь и предпоследний! Ян просто потеряет один день. Ведь не отключили же эти негодяи «Аристо»?!

«Он добился своего. Негодяем назвали. Настроил против меня всех. Но ничего, господин инспектор, это к лучшему. Может, от злости языки развяжутся».

– Давайте не будем переходить на личности, – внезапно вставил Дмитрий Станиславович.

– Хорошо, давайте, – Сухарев ослабил. – Тем более что некоторые личности не ограничились разрушением памяти Яна, они затёрли и копию. «Аристо» цел, однако с недавнего времени ничего не знает о Горине. Все протоколы сеансов сканирования, сами сканы, данные о серии опытов, матрицы преобразований утрачены. Кто-то одним махом разделался и с Яном и с его работой и со всеми нами. Теперь останется добавить к обвинению отягчающие обстоятельства: фиксировать не просто запрещённые исследования, а эксперименты над людьми, приведшие к тяжким последствиям. И дело в шляпе. Правда, господин инспектор? Куда вы нас всех, на Марс, в лагерь Нортон?

В ропоте стали заметны угрожающие нотки. Инспектор, которого упоминание о Нортоне задело за живое, тронул пистолет. «Какого чёрта? Думает, я спляшу под его дудку?» Он окоротил первый порыв, преодолел отвращение к самому себе и руку с кобуры не убрал. Ответил:

– Нет, господин учёный. Не в шляпе дело, а в том, что вы изолгались, а теперь прикрываетесь высокоморальными соображениями. Скажите, виноват ли Совет, что в отчётах института математики и теоретической физики есть математика и немного физики, но нет и следа волновой психофизики, которая, судя по вашим словам, и составляла основной предмет изысканий? Про математическую лингвистику и замечательные методы местных лингвистов упоминать не буду. Скажите, виноват ли я, получивший допуск к бигбрейну полчаса назад, в том, что затёрты ваши базы?

– Это правда, Андрей, он ни при чём. Я сама видела, – громко сказала Инна, ловя Сухарева за рукав пиджака.

«Бойтся за него. Не меня защищает, а его от меня».

– Я не обвиняю лично вас, – вывернулся Андрей Николаевич. – Я вообще не отделяю лично вас от вашего Совета инквизиторов. Именно он, ваш Совет, довёл до вранья людей, которые имеют, видите ли, наглость наукой баловаться под страхом пожизненной высылки. Смотрите, здесь тридцать человек, а было триста. Радуйтесь, остальных вы уже разогнали. Кого в Боливию, кого на Аляску, где для них уже приготовлены удобные гетто. Не для них удобные, а для вас, господа полицей-конформисты.

– А вы, господин сайнс-экстремист, желаете устроить новый Цернгейт? – холодно возразил инспектор. – Вам мало кутерьмы вокруг киберевгенистов? Ищете, чем бы ещё загадить планету, изобретаете для благодарного человечества новые бирюльки? Извольте тогда пожаловать со всем этим на Марс.

«Не перегнул ли я с Марсом? Нет, всё в порядке. Кажется, до них дошло, что имеют дело не с человеком, а с машиной, которой чихать на их научные восторги». Он снял руку с кобуры; опасный момент миновал, можно не выламываться под доблестного, но недалёкого шерифа из старых вестернов.

– Но кто-то же сделал это? – несмело прозвучал в наступившей тишине женский голос. Упрёк достался Сухареву, хоть и не был адресован специально ему. Просто новоиспечённый директор случайно оказался рядом. Как ни странно, он не нашёлся с ответом, хотя такая постановка вопроса едва ли застала его врасплох.

– Не просто кто-то, а кто-то из нас, – внёс поправку Дмитрий Станиславович. – Если, конечно, сюда не проник ещё один – кх-гм! – посторонний. Занятно получается!

«Переглядываются. Поняли».

Психофизик записал трубку в нагрудный карман, сложил за спиной руки и прошёлся медвежьей походкой, кивая при каждом шаге.

– Занятно получается, – негромко повторил он. – Кто-то из нас пустил псу под хвост четыре года работы, кто-то из нас шпионил для Совета, кто-то из нас превратил Яна в четырёхлетнего ребёнка. Что? Андрюша, я ведь говорил: не верю, что Ян сам учинил над собой такое зверство. Не вяжется, понимаешь? Совершенно несовместимо с его психотипом, разве что Горина довели до последнего градуса отчаяния. Так вот, этот кто-то...

– Минуточку, – перебил инспектор. – Вы уверены, что он один?

– Кх-хм? – психофизик остановился и уставился на носки собственных туфель. Помолчал, продолжил:

– Вы так ставите вопрос? Это логично. И, хоть мне неприятно предполагать, что среди нас есть несколько таких... Нет! Возможность!

– Вы хотите сказать, что не у всех присутствующих была возможность?

– Бесспорно. Шпионскую деятельность пока оставим, теперь уже всё равно, а вот казус с Яном мог устроить только тот человек, у которого есть полный доступ к сервисам «Аристо». И затереть данные мог только такой человек. Да-да, Андрюша, как это ни прискорбно, но факт. Круг подозреваемых можно существенно сузить. Начнём с техников.

– Сегодня суббота, – мрачно заметил Сухарев.

– А? Ну да. Значит, техники отпадают. То-то я никого из них не вижу.

– Почему техники отпадают в субботу? – заинтересовался инспектор.

– Они ещё в пятницу это делают, часов после четырёх. Суббота у них выходной день. Голову могу прозакладывать, никого из них нет на территории со вчерашнего вечера. Как корова языком. Кто у нас ещё? Инженер-программист.

– Петя уехал в Венецию. И он не мог. Зачем вы его?.. Чтобы Петя свёл с ума Яна Алексеича? Да ни за что! Вы не смеете...

«Вступилась за программиста. Жена?»

– Успокойтесь, Нина, – сказали из толпы. – Никто не собирается пытаться вашего мужа. Его ведь сначала нужно поймать.

– Не переживай, Нинка. Пётр там, снаружи. Кровожадным психофизикам никак до него не дотянуться, они-то ведь здесь, внутри. Как и все мы.

– Я тебе говорил Ниночка, ты теперь... Э! Ну что такое?

– Зая, ещё раз влезешь со своими шуточками!..

«Они пока могут шутить. Господин инспектор, а не хотите ли вы удалить тех, кому всё это слушать не обязательно? Мешают», – подумал Владимир. Собрался по совету Дмитрия Станиславовича разогнать собрание, но его опередили.

– Послушайте, Митя!.. – обратилась к психофизику полненькая женщина в тесном джинсовом костюме. Симпатичная.

– Катька, не высовывайся!

Она строптиво тряхнула короткими светлыми волосами, сверкнула квадратными стёклами очков, продолжила:

– Митя, нельзя ли сузить круг сразу? Уши вянут слушать, как вы друг друга поливаете. Если мы на положении заключённых, разгоните нас по камерам и вызывайте на допрос по одному. У меня нет допуска ни к чему, кроме библиотеки и кофейных автоматов, и человек я не любопытный.

Снова поднялся гомон.

– Катерина, замолчи, спрячься!

– Это ты-то не любопытная?

– Катюша, вы хотите остаться с инспектором один на один?

– Она дело говорит! Какого мы должны выслушивать всякий бред?

– Я знаю, это она. Она взломала «Аристо» через кофейный автомат. Катерина, ты круче Маты Хари. Покажи инспектору, что такое лингвисты.

– Катюха, он на тебя поглядывает! Та-акой мальчик!.. Не уппусти шанс, хватай его за...

«Очень кстати, – подумал Володя, снова опустив руку на кобуру – Теперь прикрикнуть на них и разогнать лишних. Если даже кое-кого отпущу зря, после можно будет вернуть. Никуда не денутся. Зачем Берсеньева их здесь собрала?»

– Господа! – сказал он в полный голос.

...о да! – ответило эхо.

– Ой! – пискнула храбрая девушка по имени Екатерина и юркнула в толпу.

– Хватит пререканий и неуместных шуток! – продолжил Володя, скользнув взглядом по застывшим лицам.

«Чего это он?» «Зая...» «Замолчи наконец!»

– Не вижу смысла удерживать вас. Понадобитесь – приглашу. Хочу напомнить, нарушение особого пропускного режима может закончиться плохо, причём не только для нарушителя. Вы очень поможете следствию, если не будете без крайней необходимости покидать... как называется этот корпус?

– Галилео, – ответил Дмитрий Станиславович, подойдя ближе.

– Вот именно. Галилео. Надеюсь, комнат хватит на всех? Прекрасно.

«А что делать с ве... вещами?» – спросили женским голосом; кто-то ответил: «Перебьёшься без своей косметики. Слышала – особый режим?»

– Работу в институтской сети по вполне понятным причинам запрещаю. Тот, кто нарушит запрет...

– Не переигрывайте, – шепнул психофизик.

Володя досадливо дёрнул плечом, но тон сбавил:

– Тот, кто нарушит запрет, окажет вашему директору медвежью услугу. Я попрошу остаться тех, кто в настоящий момент имеет полный доступ к ресурсам бигбрейна, либо получал его раньше, но лишился впоследствии. Остальные пока свободны. Комнаты распределите сами.

Зал быстро пустел.

– Спасибо за совет, – шепнул Володя Дмитрию Станиславовичу, не упуская из виду одного человека.

– Да не за что. Понимаю, роль вам приходится играть незавидную.

«Роль? Запомните это, господин инспектор. Кажется, она собирается уйти? Интересно».

– Как её отчество? – быстро спросил он у психофизика.

– Чьё? А, я понял. Валентиновна.

– Инна Валентиновна! – позвал инспектор. – Куда вы?!

Прекрасная индианка обернулась.

«Испугана, вне всякого сомнения. Хотела улизнуть под шумок».

– Но вы же сами сказали, что остальные свободны, – жалко улыбаясь, проговорила Инна.

– Разве вас можно причислить к остальным?

– А в чём дело? – осведомился подходя заместитель директора.

– Дело в том, что Инна Валентиновна Гладких при мне получила полный доступ к бигбейну и воспользовалась им, – сказал Владимир, следя за выражением лица девушки.

«Это не испуг. Самый настоящий страх. Значит, и её нельзя со счетов сбрасывать».

Володя оглядел тех, кто остался: «Не так уж и много, но есть ведь и ещё... двое?... нет, трое. Про них забывать нельзя. Всё, пора на свежий воздух, тут дышать нечем».

Глава 3. Дышать нечем

Душно. Как через подушку. А-ах. Шорох. «Тонк. Тонк, Тонк». Что это тонкает? А-ах. Так дед дышит, когда спит. «Тонк. Тонк». Темно, плохо видно. Потолок далеко. У деда в доме такой. Ма очень обещала, что послезавтра оставит у деда на ночь. А-ах. Да это же я дышу! Совсем как дед. «Тонк, тонк». Дедовы часы так тонкают, скачет тонк-тонкая стрелка. Значит уже послезавтра? Суб... меня оставили на ночь! Бота. Оставили субботничать. «Тонк. Тонк. Тонк». Они очень страшно хрипят, дедовы часы, а потом как начнут: бом-м! Передышка. Бом-м! До-олгая передышка! Бом-м! Бить начинают в темноте. Страшно. А утром в субботу солнечно занавески шевелит ветер и жар wpłyвает теплынь лениво в комнату вместе с неслышнывсадудажешо в парке такие штуки – как колокола серые на столбах потому и слышны везде эти... Как их? Сигналы радио пик-пик-пик неслышнывсадудажешоро... Хи, как смешно дышу: А-ах! Точно как дед. Может, это не я? На ночь оставили. Страшно. Ма одного не бросила бы! Она в маленькой комнате, а я здесь на диване. Её позвать.

– Ма!

И крик как в подушке вязнет. Страшно. «Тонк, тонк, тонк». Часы злые, больно от этого тонканья в ушах, страшно очень. Звать!

– Ма! А-ах... Ма! Ма!

Это не я зову! Я совсем не так... Горло болит. Я болею? Как меня Ма больного оставила у деда ночью одного в темноте, я же не могу спать, страшно!

– Ма-а!

Из темноты вышатнулось серое. Это не мама! И ещё одно без лица, как кукла-тряпка, набитая ватой, перетянутая перевязками, о-о! Стра... сшитая! Не хочу! Не хо... Убегусь! Не встаётся, не кричится, не дышится. Уберитесь, куклы! Уберитесь же! Руки тяжё-о... О! И страшные, все в жилах, костлявые, чужие у меня руки. Почему тянутся к лицу, когда я хочу своими руками закрыть глаза?! Уйдите же!

– Ма, я не хо... О! Не хочу куклы! Убери, мама! А-а!

«Тонк, тонк», – всё так же часы, но светло. Нет, не пришёл никто и не включил свет. Но дышать проще. Нет, сейчас не ночь. Я здесь один. Потолок далеко, но это не дедова комната; у деда шкафы-часы-люстра, а здесь пустые стены, ничего нет, как в больнице. Это сон? Нет, куклы были во сне, а сейчас уже не сон. И не утро и не суббота и не лётся жара с балкона, потому что ничего нет, одни голые стены. И неслышнывсадудажешорохи радио нет. Одни часы тонкают. Я не сплю, это больница. Не помню. Я болею? Тогда рядом должна быть мама. Где?

Надо встать или хоть голову поднять. Почему такая тяжёлая голова и болит шея и болит горло и сухо во рту и колет внутри слева и очень тяжёлая голова?!

Пустая комната, стены светлые, потолок светится, пол холодный, как в ванной, плитки светлые и шершавые, всё светлое, как в больнице, это и есть больница, хоть я никогда и не видал такой пустой в больнице комнаты. А там дверь. Очень смешная, ручки нет, замка нет, ничего нет. Её толкают?

Надо встать. Вставай-поднимай сярбочий наро... Так дед будит всегда. А я не люблю, когда будят, да ещё и поют, как будто это большая радость – вставать. Я люблю, когда ма ладошу на лоб тепло положит, гладит, ерошит, хорошо. Не хочу вставать никогда. Только когда суббота и парк рядом. Тогда да. В парке на дутых колёсах самокаты, а лошади белые, педальные – это для малышни, для девчонок всяких, на них не разгонишься. На машинах с педалями тоже. «Москвич» на них написано кривыми буквами, как на настоящих, но самокат всё равно лучше. На нём, если разогнаться, по аллее до самого входа к тиру-у-ух! Вокруг фонтана. Да, надо встать. Не зовётся мама, а жаль.

Ох, как плохо встаётся! Руки-ноги кукольные, как у тех, которые снились. Перевязками, как верёвками, передавлены.

О-ох, темно в глазах, так я упаду на ходу. После боленья такое было, мама сказала, пройдёт, и оно прошло, а теперь опять в глазах темно.

Кто там? Дед?

Длинная комната, а кровати всего две и двери две, а там какой-то дядька в пижаме. На деда похож, но не дед, нет. Ха! Умру, как он раскорякой стоит, худой, руки длинные, старый как дед, возле тумбочки раскорячился. Тумбочки тоже две. Одна мне, одна ему. Вот эта моя... О! Ма здесь была, бусы оставила, лежат. Взять? Краси-и... Шарики красивые-жёлтые-светятся, она говорила, это из смолы. Как называла? Ян... Яну не давай, папа сказал. А почему? Я только потрогаю, они же берут, почему мне нельзя? Такие красивые, светятся, и почему-то нельзя. Это нечестно. И я ведь трогал, когда на коленях у неё, но это не то же самое, они же тогда у неё на груди. Ян-тарь они называются. Я тоже Ян. Папе почему можно трогать, если они у мамы на груди? Мама – она моя! Мне тоже можно. Я возьму. Чьи это ру... Руки какие страшные! Из сна худые с жилами, не может быть, они не мои, это как у деда того – длинные, в пижамных рукавах, коря... А-а! Бусин...

Ки! Ки! С сухим треском: «Ки! Ки-кик! Ки!» – посыпались с разорванной нити бусинки, запрыгали по полу, раскатились солнечными каплями по холодному кафельному полу. Вместо янтарного сияющего чуда – рваная нитка с уродливой застёжкой. И руки. «Это мои руки?» Все в синих надутых жилах, на лапы птицы похожие, как у страшного старика. Нет!

«Но я так и сделал тогда, я помню. И порвалась нитка, и брызнули на пол... Ох, плохо мне, темно в глазах, всё кружи...»

– Что вы имели в виду, когда сказали, что Ян теперь как четырёхлетний ребёнок? – спросил инспектор у Дмитрия Станиславовича Синявского по дороге в бункер.

Задать этот вопрос раньше не получилось из-за пустой болтовни. Сначала на Володю накинулась жена инженера-программиста, требуя немедленного допроса – на том основании, что два месяца назад муж, когда прихворнул, открыл ей доступ к «Аристо». Понятно было, что никакого отношения к делу это не имело, но Нина не желала сдаваться, наседала. Очевидно, хотелось ей не поделиться информацией, а совсем наоборот, поразведать кое-что на тот случай, если мужа в чём-нибудь обвинят. Избавиться от взбалмошной женщины оказалось непросто, пришлось кричать. Нина вернулась в корпус, ей на смену явился унылый тощий блондин со списком расселения, составлять который его никто не просил. Зануду инспектор просто прогнал, отобрав и мимоходом просмотрев мятый исчерканный лист. Тогда и выяснилось, что фамилия психофизика – Синявский; сверх того получилось узнать, что он доктор физмат наук и начальник отдела психофизики.

«Итак, – размышлял Володя, неторопливо спускаясь пологой лестницей следом за Дмитрием Станиславовичем, – пока на подозрении кроме техников и программиста неприятнейший Сухарев, Инна Гладких, душка Синявский, Берсеньева, которая шляется неизвестно где, и – не будем забывать об этом! – сам Ян. Ещё одного кандидата инспектор пропустил умышленно – просто не хотелось даже предполагать такое! – и, чтобы побороть очередной приступ страха и отвратительного бессилия, вдохнул глубже, – пахнет-то как! – оглянулся, – бриз к морю, вечер, – чем пахнет? Увидел: подступили с обеих сторон к дорожке густые заросли можжевельника и какие-то кусты с колючими листьями. Остролист?»

Сделав глубокий вдох, инспектор успокоился, вернулся к мыслям о Яне. «Правда ли, что он невменяем? Не пудрят ли мне мозги, чтобы затянуть время и, по возможности, выгородить директора? Очень удобно – симулировать сумасшествие, а затем, пока следователь натужно

сводит концы с концами, спрятать информацию о работе. Вас, господин инспектор, такой расклад не устраивает. Всё равно ведь ничего у них не выйдет. И времени мало. Надо нажать на доктора. Э, да я прилично отстал!»

Дмитрий Станиславович, хоть и шёл небыстро, успел добраться до поворота, где смотровая площадка.

«Зря я тех двоих отпустил. За поворотом скрылись», – упрекнул себя инспектор и ускорил шаг, почти побежал. На площадке – парковая лавочка на гнутых ногах, над нею белый шар кроны – цветущее дерево. Плиты лепестками посыпаны снежно. Жаль, нет времени любоваться видами.

– Дмитрий Станиславович! – позвал Володя. Синявский остановился на площадке, сунул руку в нагрудный карман.

– Что вы имели в виду, когда сказали, что Ян теперь как четырёхлетний ребёнок?

«Ищет трубку. Курит много или...»

– Кх-хм! Видите ли, я не специалист по детской психике, – стал оправдываться психофизик. – Точность поэтому не могу гарантировать. Чтобы оценить возраст хотя бы приблизительно, надо проанализировать лексикон. И даже после этого невозможно установить: четыре года или, может быть, шесть. Дети ведь – кхм! – разные.

– Пойдёмте, иначе совсем отстанем, – предложил Володя. Отметил, что трубку психофизик не раскурил и обратно в карман не положил, просто вертит в руках: «Ожидает подвоха? Хочет сосредоточиться? Боится расспросов?»

– Да, идёмте, – сказал Синявский.

Пошёл рядом с инспектором, на ходу говорил:

– Понимаете, – кхм! – когда перед вами ребёнок, вы можете принять во внимание другие факторы. Ну не знаю: рост, пропорции, координацию движений. Представьте, вот вы встречаете ребёнка и пытаетесь определить возраст. Ведь не с лексикона начнёте! До того как ребёнок заговорит, у вас уже есть более или менее точная оценка, а тут сложнее. Но ведь когда я видел его...

– Когда? – внезапно прервал инспектор.

Дмитрий Станиславович замолчал.

– Я спрашиваю, когда вы в последний раз виделись с Гориним? Не делайте вид, что не понимаете. Из сказанного вами раньше получалось, что об амнезии директора вы узнали от Сухарева.

– А, ну да. – Синявский виновато хмыкнул, больше не прибавил ничего, только покашлял, как бы от смущения.

«Всё, на него не дави пока, иначе уйдёт в глухую оборону».

– Ладно, доктор, об этом после. Что вы там говорили о признаках?

– О признаках? А, ну да. Видите ли, – хе-хм! – для изучения лексикона одной короткой беседы недостаточно; кроме того, нет гарантии, что воспоминания более позднего времени утрачены полностью...

Инспектор перестал слушать. Четыре года или шесть – велика ли разница? Стало понятно, что память Ян всё-таки потерял, во всяком случае, сам доктор в этом уверен, если только он не первоклассный актёр. Это вряд ли. Лгал неумело. Не исключено, что так и было задумано. Не играет ли он тоньше? Володя покосился на собеседника, увлечёвшегося описанием проблемы, с которой по собственному заявлению тот знаком был плохо. «Ишь, соловьём разливается! А те двое?»

В самом конце прямой аллеи, где на фоне тёмного... – моря? неба? – белел частый гребень балюстрады, две фигурки заметил инспектор, женскую – изогнутый росчерк, – и с нею рядом мужскую. Нет, не так. Сухарев вёл, а за ним, ухватившись за локоть, семенила Инна Гладких. Когда пришла пора повернуть им налево, Андрей Николаевич сделал это уверенно,

не наклонив головы, спина его пиджачная осталась прямой. Женская фигурка, чуть помедлив на повороте, изогнулась, чтобы остаться рядом. Володя на миг увидел белое пятно лица индианки – та, словно кошка, оглянулась, прежде чем кинуться наутёк.

Инспектор заторопился следом по аллее высоких деревьев с очень светлыми зеленоватыми стволами, за ним поспешал доктор, слегка задыхаясь от быстрой ходьбы. В спины им дуло холодом; позади воркотнуло и глухо вздохнуло грозовым утробным голосом.

– Гроза над доломитами, – бросил вскользь Дмитрий Станиславович и продолжил рассуждения о смешных глагольных формах.

Володя с тоскою глянул на розоватый облачный парусник, лёгший в дрейф над голфодом Триест.

– Не туда, – остановил его психофизик. – Нам к лифту. Вот он.

«Да вижу я», – раздражённо подумал инспектор, которого вопреки всему тянуло к ограде террасы – глянуть на маяк хоть краем глаза.

По контрасту с акварельным небом лифт произвел гнетущее впечатление. Нет большей дикости, чем выстроить посреди средиземноморского парка железобетонный надолб, похожий на лысый лоб зарытого в землю великана. Две ниши под квадратными надбровьями плит закрыты были тяжёлыми стальными вёками.

Володя подошёл к правой «глазнице», где прохаживался Сухарев и ждала, обхватив плечи руками, Инна. «Май, вечером холодает быстро».

– Как вы его называете? – спросил Инну Володя.

– Лифт? Мы зовём его Пуанкаре. Да-да, лифт Пуанкаре. Бр-р, как тут дует. Андрей, пойдём внутрь.

– Я ждал господина инспектора, – холодно пояснил Сухарев.

– Станьте лицом к двери, – попросил психофизик.

– Зачем?

– Пока «Аристо» – кх-м! – не опознает всех, дверь не откроет. У вас допуск в бункер есть?

– Должен быть, – ответил инспектор. – Если Берсеньева мне его открыла. Кстати, где она? Мне нужно с ней поговорить.

– Вр-р-рау! – заревел великан. Оказалось – не спал, дремал вполглаза. Толстенная створка с рёвом уползла в сторону, открыв проём.

– Светлана Васильевна, скорее всего... – начала Инна, перекрикивая шум двигателя.

– Мы не знаем, где она, – перебил Сухарев.

«Заткнул ей рот. Примечайте, господин инспектор! В товарищах согласия нет. Индианка за милую душу выдала бы Светлану Васильевну, а он не дал. Прекрасно. Пока хватит этой информации, всему своё время, доберусь и до Берсеневой».

– Потому что если бы допуска у вас не было, – пояснил доктор, – в лифт вас, конечно, пустили бы. В тоннель, на пляж – пожалуйста, а вот в Пещеру Духов – нет.

– Что за пещера?

– Входите же! – торопил Андрей Николаевич.

Кафель скрипнул под каблуком инспектора. В просторном зеркальном лифте он оказался лицом к лицу с Синявским. Кабина ползла медленно.

«Лифт старый, как и сам бункер. Названия смешные».

– Так что же там у вас за пещера?

– Сами сейчас увидите, – доктор хохотнул и тут же закашлялся. Быстро пришёл в себя, после того как попался на вранье, теперь от души забавлялся:

– Пещера Духов – хе-хм! – страшное место. Там Аристотель правит бал. И вас тоже подправит, если вы – кхм! – ему не придёте по нраву. Попасть в Пещеру Духов можно из тоннеля Гамильтона, но туда пускают не всякого, иначе любопытный народец по дороге с пляжа всякий раз...

– Пляж вы тоже как-нибудь обозвали? – перебил инспектор, подумав: «У него не просто так язык развязался. Несёт его».

– Прекратите, Митя, – буркнул Сухарев. Стоял ко всем спиной, лицом к двери.

Инна тем временем восстанавливала душевное равновесие – прихорашиваясь перед зеркалом.

– Приехали наконец. – Заместитель директора выскочил из кабины, не дожидаясь пока полностью разъедутся створки.

– Пляж мы окрестили именем Риччи. Кхе! Прошу. Нет, я после вас.

Лампы в двухсотметровом тоннеле, похожем на штрек, горели через одну. «К пляжу направо, – определил инспектор. – Дверь там не хуже, чем наверху; даже если подобраться со стороны моря, внутрь не попасть. Интересно, зачем Ян работал в бункере? Не нашлось места в корпусах или они тут заранее готовились к худшему?»

Идти надо было налево – туда, куда свернул Сухарев. Пиджачная его спина обнаружилась метрах в двадцати. Каблочки мисс Гладких шёлкали позади как пистолетные выстрелы, выбивая из стен короткое эхо. «Что доктор имел в виду, когда говорил, дескать, Аристотель меня подправит? Лучше бы это оказалось досужим трёпом».

Сухарев дождался, пока подойдут остальные, нажал кнопку справа от сдвижной двери.

Плита скользнула в паз со слякотным шелестом. Комната напоминала обычный офис, оборудована была вполне современно: светящийся нанодиодный потолок, три сетевых терминала на столах – новые, не чета тем реликтам, которые инспектор видел в холле корпуса Галилео. Три стены молочно-белые, одна почему-то чёрная, глянцевая, как будто и не стена, а огромный, от пола до потолка, экран. Окно во тьму.

– Это вы называете пещерой?

– Это предбанник. Пещера там, – доктор указал на тёмную перегородку. Володе почудилось шевеление во мраке, он подошёл ближе, взгляделся. «Нету там ничего».

Сухарев, взясь с настенным пультом, обронил: «Так вы ничего не увидите. Сейчас».

Пискнул зуммер, Володя вздрогнул от неожиданности, – не пустой экран был теперь перед ним, а стеклянная перегородка.

– Кто это? – спросил он, рассматривая человека на больничной кушетке.

– Вы хотели увидеть Яна?

«Нехорошо улыбается Андрей Николаевич. Но это как раз не странно, инспектора уважать ему не за что».

– Я хотел не увидеть Яна, а увидаться с ним. Это не совсем одно и то же. Поговорить с ним хотел, если вы не возражаете.

– Возражаю, – надменно ответил заместитель директора.

– Это ещё почему? Объяснитесь, – потребовал инспектор. Краем глаза следил за Инной. Похоже, та беседой не интересовалась. Вошла и тут же уселась за терминал. Клавиатуру не трогала.

– Но Владимир... кхе-хм! – вмешался Синявский, – простите, как ваше отчество?

– Давайте договоримся, что его у меня нет.

– Давайте, – обескуражено согласился доктор, – Влади... Нет, я так не могу, неудобно разговаривать. Я тогда буду вас называть Владимиром Владимировичем.

– Владимировым, – вставил с кривой ухмылкой Сухарев.

«Они решили меня позлить? Ну-ну».

– Владимир Владимирович, я ведь говорил вам, что с Яном – хм-м! – беседовать бесполезно. Кроме того, это опасно для психики.

– Ничего, я попытаюсь пережить.

– Для психики Яна, я хотел сказать. Представьте, вы просыпаетесь, чувствуя себя четырёхлетним мальчишкой, встаёте и видите в зеркале...

– Хотите сказать, он просто спит?

Человек на кушетке походил на мертвеца. Ярчайший свет прямо в лицо, а он хоть бы шевельнулся. «Лежит, как на столе в морге. И правда ли вообще, что это Горин?»

– Это аппаратный сон, – скучно пояснил Синявский, – У него сейчас если под ухом – кхе! – из шестидюймового орудия грохнуть, не проснётся. Да и нельзя его будить, видите ли...

– Андрюша! – позвала Инна. – Вот она где, нашлась! Так и думала, что она там.

«О ком разговор? Этот не сразу отреагировал, сначала одарил меня взглядом. Как кинжалом сунул. А, понятно, это про Берсеневу. Сухарев хотел скрыть от меня, а Инна не дала. Прекрасно!». Грех было не воспользоваться моментом, что инспектор и сделал. Спросил:

– Где она?

Инна уступила место за терминалом начальнику, ответила с видимым удовольствием:

– В Энрико Ферми.

– Это верхний корпус? Что там у вас?

«Что Сухарев пишет? Что ему отвечают?»

– Там у нас бигбрейн, – сказала Инна. – Лаборатория матлингвистов. Светлана Васильевна у себя.

А на терминале:

«Света, мы у Яна. Нужна помощь. Надо определить...» – успел разобрать инспектор, потом строчки рывком уехали за экран, остался хвост ответа Берсеневой: «...этим и занимаюсь».

Андрей Николаевич оглянулся, перехватил взгляд инспектора, скривил губы, снова повернулся к терминалу.

«Чужой мои читает письма», – прочёл его сообщение Володя. «Пусть», – коротко ответила Светлана Васильевна.

«Может, тогда голосом?».

Вместо ответа в углу экрана возникло окно, в нем – подсвеченное лицо Берсеневой.

– Потому что всё равно Владим Владимыч рядом, как раз у меня за спиной, – предупредил Сухарев.

– Владим кто? – рассеянно переспросила Светлана Васильевна. Видно было, нечто занимает её куда больше, чем разговор. – А, вот вы о ком! Господин инспектор, моё почтение, – сказала она. На миг отвлеклась, затем снова вернулась к неведомому занятию.

– Светлана Васильевна, – произнёс официальным тоном Владимир, – я должен задать вам несколько вопросов.

– Вопросов и даже несколько? Подождать придётся, я занята.

– Но избранная вами линия поведения...

– Бросает тень на мою репутацию? Пусть. Есть вещи поважнее вашего мнения обо мне и о моём поведении. Мне действительно некогда, память Яна важнее.

«Как Сухарев на неё пялится!» – заметил мимоходом Володя. Сказал:

– Разговор не займёт много времени, давайте я зайду к вам, если вам действительно некогда.

– Не зайдёте. И не только вы. Никто не зайдёт к Аристотелю, пока я не решу, что можно.

«Она снова что-то выстукивает. Клавиши щёлкают, в микрофон слышно». Тут инспектора осенило: «Память Яна, она сказала! Сухарев спрашивал её, она ответила, что как раз этим занята. Они сделали новый скан!»

– И что там, в скане? – быстро спросил он.

Андрей Николаевич втянул голову в плечи.

– Та-ам?.. – протянула Берсенева. – В скане? В сканах, вы хотели сказать. Шум мало-вразумительный, но есть островки. Слышите, Андрей? Понимаете, что это значит? Изолированные области. И кроме них – регуляризованные тёмные массивы, с которыми и так всё ясно.

Кажется, я поняла, что произошло. Поэтому никто, кроме меня, не подойдёт к «Аристо», пока не закончу расшифровку и не построю инварианты преобразования.

– Вы закрыли доступ к массивам? – спросил Сухарев, растягивая слова, как будто не верил.

– Да.

Окно связи исчезло с экрана.

«Поговорили, – думал Володя, изучая застывший лик Андрея Николаевича. – Она довела идола до полной одеревенелости. Ну-ка, я его шевельну».

– Вас лишили доступа к телу, господин заместитель директора?

– К телу? – удивился Сухарев, глянув туда, где лежал Ян. – Не к телу, а к расшифровкам скана памяти. И не ко всем фрагментам расшифровок, а к части. И не лишили доступа, а запретили что-то менять. И не только мне, а и всем нам.

– Как же Светлана Васильевна посмела монополизировать память директора?

– Посмела, как видите. И не память она монополизировала, а право на расшифровку. Да, Свете смелости не занимать.

«Определённо, он к ней неравнодушен. Это тоже возьмите на заметку, инспектор».

– Ну, а если я, к примеру, взломаю дверь или влезу к «Аристо» через окно?

– Аристотель – кха! – живёт в подвале, там окон нет. Я сомневаюсь, что у вас получится взломать дверь, даже если прихватили гранатомёт.

Инспектор пропустил замечание мимо ушей, мысль, до того времени шедшая вторым планом, заняла его внимание полностью, стало не до обмена шпильками.

«Похоже, их всех беспокоит не состояние Яна, а содержимое его памяти. Если только возня, которую они затеяли, не часть сговора. Не морочат ли вам всё-таки голову, господин инспектор? Не к телу, говорит, лишила доступа. А к телу? Может, Ян вообще мёртв».

– Андрей Николаевич, – проговорил он нарочито спокойно, – я требую, чтобы вы немедленно разбудили Горина.

Сказав это, Владимир сделал пару шагов к стеклянной стене. «Обычное стекло или сапфировое? Или модный силикофлекс? Не сдвигается ли перегородка? Если сдвигается, то как?»

– Дорогуша! Кхе! Кхе-хм! Я ведь вам говорил, его нельзя просто так будить. Это для психики очень опасно. Вот Светлана Васильевна разберётся с инвариантами, попробуем обратный перенос, тогда и...

– Нельзя, слышите вы? – поддержала Инна Гладких. – Андрюша, останови его!

– Знаете, Владим Владимыч... – начал, выдвигаясь из-за стола, заместитель директора.

«Ага, в этом мнения не расходятся. Сговор».

– Не знаю! – со всей жесточью отрезал инспектор. – Вы вчетвером тянете время и пытаетесь сбить меня с толку, но больше не выйдет. Откуда мне знать, что ваш директор жив? Почему я должен верить басням об аппаратном сне и потере памяти? Правильно ли я понимаю, что аппаратный сон вы можете прервать и возобновить в любой момент?

– Да-а, – неуверенно протянул Синявский.

– Правильно ли я понимаю, что сон этот вызван действием излучения, а излучателями управляет «Аристо»?

– Митя! – скрипнул тенорок Сухарева.

– Кхм! Правильно понимаете. «Аристо» здесь абсолютно всем управляет, в разумных пределах, конечно.

«Не факт, что в разумных. Об этом после. Отвлекающий вопрос им».

– Где же тогда излучающая аппаратура? Я вижу голые стены, кушетку и на ней тело, похожее на труп.

Инна хихикнула, физиономия Сухарева осталась непроницаемой. Синявский ответил с улыбкой:

– А вы ожидали увидеть гирлянды из проводов, шкафы с электронным хламом, параболические антенны и... Ха-кха! И прочую дребедень? В стены вмонтирована система мощных управляемых излучателей.

– А стекло?

– Митя! – снова предостерёг Андрей Николаевич, но старый психофизик отмахнулся: «Отстаньте с вашей конспирацией». Указал пальцем на перегородку, пояснил:

– Силикофлекс. Слышали о таком?

«Понятно. Силой не пробиться, надо уговаривать».

– Вижу, что слышали. Так вот, – хе-хм! – дорогуша, перегородку сдвинуть я не дам и дверь не открою. Говорю вам как врач...

«Стало быть, она сдвигается, – удовлетворённо констатировал инспектор, не слушая, что Синявский говорит как врач. – Понятно-понятно. Опасно для психики и всё такое прочее. Но раз тебя беспокоит здоровье больного, с тобой можно поторговаться».

– Дмитрий Станиславович! – перебил он. – Я и не просил пустить меня внутрь. Разбудите Яна, только и всего. Ненадолго. Дайте очнуться и сразу усыпите. Психика выдержит, ведь выдерживает она сны. Нет, я именно настаиваю. Требую. Вы понимаете, если у меня сложится впечатление, что вы сознательно вводите меня в заблуждение...

– Вы кликнете своих людей? – вклинился Сухарев. Явно нарывался на скандал, но инспектор даже бровью не повёл.

– Так что же, доктор? Вы слышите меня? – настаивал он.

– Да. Я слышу. Придётся подчиниться давлению. Я разбудю его ненадолго, но когда увижу, что... Кхе! Позвольте, Андрей, я сяду. Что? Не хотите, так я за другой терминал. Видите, инспектор настаивает.

– Я снимаю с себя всякую ответственность, – заявил Андрей Николаевич.

«Снимай-снимай. Не то ещё снять придётся. Ответственность он снимает».

– Может, не надо, Митя? – несмело проговорила индианка.

– Ничего, я осторожно. Действительно, видит же он сны. Одним кошмаром больше, одним меньше.

– Послушайте, господин Владимиров, – не унимался Сухарев. – Вы угробите его личность, а заодно и дело всей его жизни! Поймите, активизируется сознание, Ян начнёт переосмысливать сны, запустится распаковка памяти...

– Распаковка? – заинтересовался инспектор. – А вы хотели убедить меня, что память Горина стёрта. Теперь выясняется, что не стёрта, а запакована. Где она содержится?

– Не пытайтесь поймать меня на слове! Когда я вам это говорил, сам так считал. Слышали же, что рассказала Света?! Ведь вы через плечо заглядывали! Чёрт вас возьми с вашими провокаторскими штучками, Владим Владимыч Владимиров!

– Ну, хватит! Прекратите истерику.

– Андрей, успокойся, – упрашивала Инна, став между инспектором и Сухаревым. – Митя обещал, что сразу усыпит.

– Вот именно, – сказал Синявский, не отвлекаясь от монитора. – А вы, господин неверующий, следите лучше за больным. Второй раз будить не стану. Пропустите момент – ваша вина.

Володя приник к прохладному силикофлексу.

Человек на кушетке шевельнулся, приподнял подбородок, приминая затылком подушку, что-то беззвучно сказал. «Жаль, не слышно, что говорит», – подумал инспектор, но тут же услышал сзади, из динамиков терминала, неразборчивое хриловатое бормотание: «Ма, я не хо!...» – а после, громче и явственней: «О! Не хочу куклы, убери мама! А-а!»

Голова на подушке дёрнулась, человек зашарил свешенной рукой по полу.

– Дмитри... Митя, немедленно усыплай его! – просил Сухарев. – Инспектор, вы налюбовались?!

Володя не ответил; следил, как поднимается оживший труп. «Залысины, короткие волосы дыбом, птичий нос. Это Горин? На вид – лет пятьдесят с лишком; рост выше среднего; нос длинный, прямой. Губы прямые, тонкие...»

Разбуженный после аппаратного сна мужчина был смешон. Напоминал переполошенную цаплю, так же неуклюже переступал с одной кафельной плитки на другую босыми худыми ногами. Пижама висела на нём, как на огородном пугале. Глаза...

«Он испуган, станет кричать. Нет, сдержался. Сюда смотрит. Он видит нас?»

– Он нас видит? – спросил Володя.

– Зеркало, – пояснил доктор.

– Усыплай его наконец! – взмолился Сухарев. – Он увидит себя, это шок... Всё будет искорёжено, он всё забудет!

– Он не узнает себя, – спокойно ответил Синявский.

«Он нас не видит, перед ним зеркало. Ян видит себя, но не узнаёт. Значит, Синявский не врал. Чего боится Сухарев? Что будет искорёжено? Что забыто? Почему?»

Горин отвернулся от зеркала.

«Что-то нашёл. На тумбочке...»

– Там бусы остались, – шепнула Инна.

Владимир покосился на неё – стояла рядом. «Встревожена, удивлена. Узнала бусы? Не её ли собственность?»

Тут Горин потянулся к бусам обеими руками и схватил их – надо сказать, довольно неловко.

– Синявский, усыплай его, я приказываю! – не своим голосом выкрикнул заместитель директора.

По полу комнаты запрыгали жёлтые шарики, инспектору послышался дробный перестук. Градины по стеклу.

– Уже сделано, – отозвался доктор.

Инспектор отвлекся всего-то на секунду – обернулся к Синявскому. Когда снова глянул в «пещеру», нелепая тощая фигура в пижаме оседала, точно марионетка, которой разом обрезают нити.

Инна охнула: «Ох, упа!..» – и прижалась лбом к перегородке.

Горин не упал, опустился – руками на кушетку, головой на руки. Так и остался сидеть на полу возле кровати в чудовищно неудобной позе: одна нога подвёрнута, другая вытянута.

– Точно как в прошлый раз, – сказал доктор.

«То есть, ты сам и усыпил Горина в прошлый раз? Или я спешу с выводами? Он мог иметь в виду, что Горин, когда его нашли, сидел на полу возле кушетки в такой же позе. Спросить? Нет, не годится, время прямых вопросов не пришло, слишком мало знаю», – инспектор заставил себя отнять ладони от прозрачной, как стенка аквариума, преграды, сунул руки в карманы, повернулся к Синявскому и спросил:

– И что же, доктор, так и будет больной на полу сидеть?

– Зачем? Сейчас мы – кхм! – с Андреем его уложим, вдвоём будет проще.

– Я вам помогу.

Сухарев буркнул что-то, Синявский отнёсся к инициативе инспектора с видимым равнодушием, ответил: «Да-да, конечно», – а Инна не слушала, так и стояла, прижавшись к силикофлексу лбом.

– Я открою, – сказал Дмитрий Станиславович. – Инночка, – кхе-хм! – позвольте...

Пискнул дальний терминал, экран осветился. В правом верхнем углу – окно коммуникатора. Инспектор не успел туда первым, Сухарев опередил.

– Что там у вас? – спросила Берсеньева. Приблизив лицо к экрану, всматривалась, будто это могло помочь ей разобраться в происшествии.

- Синявский разбудил Яна. Инспектор заставил, – сообщил Андрей Николаевич.
- Знаю. Я спрашиваю, что делал Ян? Что он видел? Ну же, быстрее соображайте!
- Что видел? Да почти ничего. Себя видел в зеркале, но это не страшно, ведь...
- Что ещё?
- Говорю, почти ничего. Его усыпили. А в чём дело, Света?
- Не то! Что-то ещё было! Что?
- Он нашёл на тумбочке чьи-то янтарные бусы, – сказал Володя.
- Сухарев и не подумал уступить место, но ничего. Можно и так. Лицо видно хорошо, остальное не так важно.
- Бусы, – повторил Володя, – кто-то там оставил. Ян Алексеевич их нашёл и взял. Они рассыпались. Была оборвана нитка, или он сам случайно порвал.
- Он не соразмеряет усилий, – негромко подсказал Синявский.
- «Потому и порвал бусы. Но не факт, не факт! Не отвлекайтесь, господин инспектор. Главное – её реакция».
- Бусы, – Берсеньева кивнула. – Вот в чём дело. Теперь понятно.
- Светлана Васильевна, объясните, что случилось! – потребовал заместитель директора.
- Резкие изменения. Вся память наизнанку, понимаете, Андрей? Как если бы сканировали, применили преобразование, а потом перенесли обратно. И это не шум, прослеживаются регулярные структуры.
- А дешифровка?
- Нет, к сожалению. Никаких ассоциаций. Это не человеческая память, какая-то чушь. Везде, кроме изолированных областей.
- Мис-ти-ка... – сдавленным голосом протянул Сухарев, потом спохватился:
- А изолированные области?
- Без изменений. Понимаете, у меня возникло впечатление...
- Света замолчала.
- Ну, говорите же! – торопил инспектор. Стоял за спиной Сухарева, опираясь одной рукою на стол.
- Я думала, кто-то пытался восстановить личность. Построил тензоры и натравил «Аристо».
- Никто, кроме Мити, не подходил к терминалам, – заявил Сухарев.
- Андрей, вы намекаете, что это я? Абсурд! Кха! Кха! Светочка, ты ведь знаешь, я в этих ваших фокусах с памятью ничего не смыслю. Да у меня и времени-то не было! Всего с минуту сидел... Все видели! Меня попросили разбудить, я – кха! – разбудил. Вы, Андрей, приказали усыпить, я...
- Успокойтесь, Дмитрий Станиславович, вас пока ни в чем не обвиняют, – сказал инспектор, думая при этом: «Не так чтобы совсем ни в чём, но и это сейчас не главное. Это и после не поздно. Что на уме у лингвистки?»
- Вы что-то хотели сказать, Света, – напомнил он.
- Я хотела сказать, что ошибалась. Оставьте Митю в покое, он ни при чём. Я знаю, кто виноват.
- Кто?! – вскинулся Сухарев.
- «Чего-то идол опять напрягся».
- К Яну пока не входите и не будите его. Вы слышите, Митя? Я к вам обращаюсь. Надо проверить. Я попробую разобраться, ждите.
- Светлана Васильевна! Всё-таки скажите, кто, по-вашему, виновен? – спросил Володя, повернувшись так, чтоб видеть всех троих.
- Что вы... Она же обещала разобраться. Зачем вы?... – залепетала Инна.
- Царь Эдип, – ответила Берсеньева и отключилась. Померк экран.

Глава 4. Померк экран

Воздух в сторожке нагрелся быстро, десяти минут не прошло после того, как закрыли дверь и включили электрокамин. Вместо разбитого стекла пришлось сунуть кусок картона, но это ничего, всё равно с улицы нет угрозы.

На экране коммуникатора чисто, тишь да гладь. Всё спокойно на объекте; можно бы вздремнуть, как те двое, пока дежурит Чезаре, но... Командир поёжился. Хоть и тепло, но не по себе. Как там Рокка? Врубил, небось, пузогрейку и тарашится во тьму. Паршиво вот так вот вечером дежурить, особенно когда неизвестно, чего ждать. Паршиво, слов нет, но дежурный хотя бы видит что-то кроме чёртовых стен. «А сидеть, как я тут, ещё хуже, – решил Борха. – Выйти к нему? Проверяю, мол».

Он надел шлем, повозился с замками и разъёмами, включил подогрев и «ночной глаз», поднялся, побродил, разминая ноги, прихватил автомат и вышел на крыльцо, аккуратно прикрыв за собою дверь.

– Командир! – прозвучал в наушнике голос номера четвёртого. – Ты видел эту хрень?

«Я и тебя-то не вижу, – подумал Борха, – А! Вон ты где».

– О чём ты? – спросил он.

– Матерь божья, сколько их!

– Кого? – папаша Род на всякий случай снял автомат с предохранителя и осмотрел купы деревьев, дорожки и коробки корпусов «ночным глазом». Ничего подозрительного.

– Бункер! Над бункером!

«То есть над лифтом. Вроде ничего подозрительного»

– Не вижу.

– Ослеп, что ли? Простым же глазом...

«А! Я понял», – Борхе отключил прибор ночного видения и выругался от изумления:

– Твою в бога душу мать!

Мерцающий столб поднимался над бетонной плешью, облитой светом новорожденного месяца.

– Метров тридцать-сорок высоты, – шепнул Родриго. – Он шевелится!

– Шевелится? Зум включи!

Родриго поступил, как советовали, и выругался вторично, на этот раз нецензурно. Мириады тусклых огоньков вертелись над бункером, пляска их поначалу казалась беспорядочной, но, приглядевшись, командир различил в мельтешении сложные узоры и уловил ритм.

– Повелитель мух! – проговорил Чезаре и забормотал что-то похожее на молитву.

– Заткнись! – приказал Борха. – Светляков не видел?

Как ни старался, а дрогнул голос. Жутко ведь.

– Ты не знаешь, – сипел в наушнике голос номера четвёртого. – А мне перед высадкой в Мogaдишо, Кэн, взводный мой, трепал про огненный столп. Он видел.

– В Мogaдишо?

– Да нет, в Церне.

– Какого чёрта он забыл в Церне? – спросил Родриго, чтобы хоть что-то спросить. Болтовня успокаивает.

– Такого же, какого мы здесь забыли. Точно такой же там был мушиный столп, а потом ка-ак бздануло... Кэн три недели провалялся в госпитале, свезло. Выжил, потому что как раз сидел в капонири. Там полгорода разом высадило в тартарары, воронка была такая, что...

– Видел.

– Одно дело в новостях видеть, а другое – в натуре.

Папаша Род, которого болтовня не успокоила нисколько, собирался ещё раз приказать Чезаре заткнуться, но не успел раскрыть рот. Ярчайшая вспышка ослепила его; всё вокруг сотряс громовый удар, как будто треснуло и обвалилось кусками небо.

Море ворочалось у ног, скрипя мокрой галькой. В лицо Володе бросало порывами ветра солёную водяную пыль. Странно: у кромки прибоя кажется, что дует с моря, но серые сумрачные тучи напозадают сзади, от гор, неся в разбухших чревах грозу. Темень. В море кормовые огни катера, над ними тонкой долькой месяц. И на пляже фонарь.

– Будет шторм, – сказал Сухарев, подойдя к парапету набережной.

Володя нашёл маяк – серый в ночи, торчащий над обрывом нелепой античной колонной, угасший навсегда, потерявший смысл существования. Маяк ждал шторма спокойно. Его слепые, с лунным бликом стёкла тарасились в морскую даль, откуда к причалам Гриньяно никогда больше не придёт по маячному лучу яхта.

– Пора его снести, – сказал Сухарев, словно прочёл мысли. – Не горит уже четвёртый год. На любой скорлупке кибернавигатор, кому теперь нужен маяк? Торчит как рыба кость в горле, вид на Мирамаре портит.

Инспектор едва удержался от грубости. Спросил:

– Зачем вы меня сюда вытасили?

Пять минут назад, сразу после усыпления Яна и разговора с Берсеневой, Сухарев потребовал конфиденциальной беседы. Не хотелось терять из виду Горина, но заместитель директора был настойчив, буквально выволок за собою на пляж.

– Здесь нас не слышит «Аристо».

– Распустили вы Аристотеля, слишком много воли дали.

– Это правда. Горин придумал отдать ему полный контроль над сервомеханизмами, и вот до чего мы докатились в итоге. Шагу не ступить без визы этого болвана, слова не сказать.

«А здесь, значит, можно сказать. Не опасаясь, что поверят слова аристотелевой логикой. Ну давай, давай. Что ты там от меня хотел?»

– Вас если послушать, получается, что во всём виноват Горин, – сказал инспектор, всматриваясь в лицо собеседника. Облака оставили от новорожденного месяца тусклое пятно, уследить за мимикой при таком освещении нереально. Тон ответа не оставлял сомнений – удалось-таки на этот раз задеть Сухарева за живое.

– А кто ж ещё? – огрызнулся он. – Кто управляет авторитарно, несёт полную ответственность за результаты.

– И каковы результаты?

– Вы о чём? Сами знаете. Или вы о научных?

– Вот именно, – слукавил Володя, думая при этом: «Надо бы вытасить его вон туда, под фонарь». И попросил:

– Расскажите, что такого в работе Горина? Из-за чего горит сыр бор?

Инспектор побрёл вдоль набережной, хлопывая ладонью по парапету, к одинокому зарешеченному фонарю.

Сухарев тащился за ним, как собачонка на привязи, невнятно и многословно оправдываясь, что, дескать, он бы и рад дать господину инспектору подробные разъяснения, но опасается, что уровень знаний упомянутого чиновника недостаточен для того, чтобы, так сказать, охватить вопрос. И даже оценить результаты хотя бы в общих чертах.

Фонарь в решетчатом колпаке висел над плоской крышей небольшого павильона, похожего на торговый лоток: о трёх стенах, чин по чину. На высоком прилавке инспектор с удивлением разглядел три или четыре ружейных приклада. «Да это тир! К чему он здесь?»

– Кому пришло в голову устроить здесь тир?

– Это Горина затея. Палатка и ружья валялись в кладовой, труднее всего было раздобыть пульки, но если Яну Алексеевичу что-нибудь втемяшится...

Андрей Николаевич снова принялся извиняться и оправдываться, что не сможет удовлетворить желание инспектора – ознакомить с предметом научных изысканий Горина. Говорил: прихоть похвальная и даже достойная уважения, но прыгнуть выше головы невозможно и...

– Вы идиотом меня считаете? – перебил Володя. Лик индейского идола, ярко освещённый фонарём, дрогнул.

– Всё-таки хотите потратить время даром? – выцедил сквозь зубы Сухарев. Глаза у него, как прорези деревянной маски, в них искры фонарного огня; у крыльев носа презрительные складки. – Что ж, я расскажу, но... Что вам известно о векторных расслоениях? Вы знакомы с частными случаями применения теоремы Армана? Конкретно – с тем случаем, когда расслоение становится локально тривиальным? Командир ваш, когда ставил задачу сегодня утром, довёл до вас информацию о поведении касательных пространств кусочно-гладкого орбиобраза в окрестностях особых точек? А о топологии Зарисского вы имеете представление?

– Погодите, не так быстро. Расслоение, как мне кажется, всегда локально тривиально. Или вы сейчас не о векторном? А топология Зарисского тут к чему?

Видимо, была ни к чему. Сухарев осёкся, пожевал губами и потом без всякого перехода заговорил по делу, не злоупотребляя терминами.

Выяснились интереснейшие подробности. Пяти лет, оказывается, не прошло с тех пор, как Ян Горин вместе с частью сотрудников разгромленного института математики явился в Италию. Как-то он убедил местные власти, что исследования имеют узкоспециальное значение и никакой угрозы не представляют, поскольку неприменимы на практике. В известном смысле так и было. Так и остались бы преобразования Яна теоретическими вывертами, если бы в Триесте он не встретил Синявского. Дмитрий Станиславович бедствовал, находясь в Италии на нелегальном положении после трагедии в Церне. Нужно было выдумать общую тему, чтобы оправдать существование в институте математики отдела теоретической физики. При этом надо было максимально дистанцироваться от гиперструн и обобщённой теории взаимодействий. Решение, если верить Сухареву, подсказал Сухарев.

– Вы-то как в Триест попали? – поинтересовался инспектор.

– Не стал ждать, пока меня сошлют на Баффинову землю. Знаете же, что случилось в Нижегородском институте физиологии мозга? Вы должны знать. Мы решили, что Адриатика лучше моря Баффины.

– Кто это «мы»?

– Оставьте. В печёнках сидят проверки лояльности. Это легко вычисляется, достаточно взять список сотрудников отдела топографии мозга.

– Инна Гладких тоже с вами приехала?

– Инна была тогда аспиранткой Горина. Ян не считал её особенно толковой, но после того, как я дал ей новую тему, стал относиться иначе.

– То есть, и она тоже должна быть вам благодарна?

Ирония разбилась вдребезги о панцирь самодовольства господина заместителя директора. Он стал подробнейшим образом описывать суть учредительной инициативы, в результате которой появился институт математики и теоретической физики в его нынешнем виде.

Оказывается, именно он, Сухарев, сумел найти точки соприкосновения специальных разделов квантовой теории поля, которыми занимался Синявский, и кружевных пространств с ослабленной метрикой – предмета научных интересов Горина. Позднее, ознакомившись с данными сканирования мозга, привезёнными Сухаревым из Нижнего Новгорода, Ян заинтересовался, и в конечном счёте поэтому согласился возглавить новоиспечённый институт. Вот

так, можно сказать, случайно и появилась почва, на которой выросло открытие – преобразования Горина.

Слушая о преобразованиях, Володя провёл ладонью по прикладу пневматического ружья (случайно подвернулся под руку, оказался влажным), вдохнул солоноватый воздух (тоже влажный, и не от морской пыли, просто будет дождь) и подумал: «Понятно, почему Яну, а не Сухареву взбрело в голову устроить здесь тир, у этого в голове одни учредительные инициативы и преобразования. Спору нет, материал интересный – расшифровка воспоминаний, взятых напрямую из волновых срезов мозга. В принципе, получается у него складно: физическая часть, исследование суперпозиции волн – Синявский; распаковка данных – Горин со своими преобразованиями; моделирование и интерпретация – он сам. Минутку. Есть ведь ещё лингвисты! Почему он всё время умалчивает о роли Берсеневой? Возьмите это на заметку, господин инспектор».

Сухарев все говорил:

– Выяснилось, что человеческий мозг, извлекая информацию из долговременной памяти, многократно выполняет преобразование всего массива данных и пользуется при этом конечным набором базовых воспоминаний. Мы называем их инвариантами Горина. Инварианты индивидуальны, формируются в раннем детстве. Можно сказать, они и составляют основу личности, если мы примем как данное, что личность – это комплекс воспоминаний и привычных рефлексов. Представьте теперь: мы считываем полную картину мозга, выделяем инварианты, строим по ним тензоры преобразования и последовательно применяем их. Массивы данных, которые мы получим, и будут полным слепком личности, причём уже в развёрнутом, пригодном для расшифровки виде. Можно определённым образом изменить связи, внести дополнительную информацию, снятую с другого мозга, применить серию обратных преобразований и выполнить перенос в мозг.

– Зачем?

– Ну, как же? Мы получим изменённую личность. Вам, к примеру, можно было бы внедрить некий набор знаний. А можно убрать из вашей памяти нечто, что мешает вам нормально жить, избавиться от комплексов, если комплексы не связаны с каким-то инвариантом.

– А можно и вовсе вытереть память, что вы и сделали с Яном – негромко проговорил Володя. – Я понимаю, почему начальство сочло ваши безответственные опыты угрозой для человечества.

– Хватит фарисействовать! Нас здесь никто не слышит. Мы-то с вами оба прекрасно знаем, что нужно вашему начальству. Угроза для человечества?! Чушь. Не для того я вас сюда позвал, чтобы выслушивать лозунги.

– Для чего же?

– Не понимаете? Нужно договориться, как действовать, чтобы не дать уничтожить результаты работы. Это главное, остальное – чушь. Кто-то затёр массивы. Непостижимо, но факт. Кому-то удалось уговорить «Аристо» забыть...

– Мне кажется, кому-то удалось больше, – с улыбкой сказал инспектор. – Кто-то лишил памяти не только «Аристо», но и самого Яна. Не вы ли?

На сей раз, прямое обвинение попало в цель. Андрей Николаевич выкатил глаза, голос его сорвался на фальцет:

– Я?! – завопил он, потом истерически расхохотался. – Я! И зачем я это сделал?!

«Чтобы закрепить за собой приоритет и отодвинуть в сторону Яна», – подумал. Вслух сказал:

– Успокойтесь, это всего лишь ни на чём не основанное предположение. Не станете же вы отрицать, что возможность у вас была, а мотив... Ну, о мотивах после поговорим. Лучше скажите, что вы хотите спасти? Насколько я понял, память Яна стёрта, сканы – тоже. Сам Ян

впал в детство и вряд ли сможет в ближайшие тридцать лет помочь вам восстановить работу. На что вы надеетесь?

– Да затем же я и позвал вас сюда, чтобы сказать! – перехваченным голосом выкрикнул Сухарев. – Света... доктор Берсеньева при вас звонила! Инварианты в мозгу Яна уцелели! Самопроизвольно запустился процесс распаковки! Прямо в мозгу! Это нужно остановить, иначе возможны серьёзные искажения! Яну нельзя просыпаться, иначе...

Андрей Николаевич до того забылся, что с каждым выкриком стал тыкать в грудь инспектора всей пятернёй, прямыми пальцами, пришлось поймать его за руку.

– Послушайте, Сухарев! Не воображайте, что сбили меня с толку мистикой! Ни черта у вас не сходится: то память стёрта целиком, то, оказывается, уцелели какие-то инварианты! Положим, и уцелели. Но если остались одни инварианты, к чему тогда применять преобразования? Ведь нет массивов данных. И вообще, я вам не верю. Найдите кого-нибудь попроще, ему рассказывайте сказки о расшифровке воспоминаний. Скажите ещё, что можете смотреть их, как кино.

– Да! – заорал Сухарев, пробуя высвободиться. – Именно как кино! Пустите руку!

– Мне показать можете?

– Пусти руку, говорю! Захотелось зрелищ? Не думал я, что придётся ублажать всяких...

– Андрей! – прозвучал взволнованный женский голос.

Володя повернул голову. Инну Гладких узнал не сразу – от света фонаря тьма вокруг казалась гуще.

– Что такое? – недовольно проворчал Сухарев. – Я просил не выходить на пляж, пока мы не договорим.

– Извини, но это срочно. Что-то случилось с Яном. Скачком активизировалась мозговая деятельность. Зона Брока...

– Что?! К нему заходили?

– Да нет, Андрюша. И энергопотребление выросло. «Аристо» загружен процентов на девяносто, я боюсь, как бы не случилось беды.

Ярчайшая вспышка осветила пляж, из тьмы выпрыгнули три человеческие фигурки возле павильона, похожего на спичечный коробок.

Володя на миг явственно увидел белый овал лица индианки, раздутые порывом ветра прямые волосы и круглые от испуга глаза. Свет померк, в барабанные перепонки больно толкнулся воздух, словно фонарь над тиром разорвало прямым попаданием артиллерийского снаряда. По пластиковой крыше павильона глухо застучали первые тяжёлые капли дождя.

Высвободившись, Сухарев тотчас исчез за ливневой завесой. То ли сообщение подчинённой так его впечатлило, то ли само её появление помешало рассказу, а может, заместитель директора попросту отчаялся убедить тугодума-инспектора в необходимости беречь память Горина, – не понятно. В любом случае не годилось оставлять его без присмотра. Володя сделал движение – догнать, но его потянули обратно под короткий навес тира.

«Ага, и она тоже хочет с глазу на глаз?» – сообразил он. Не ожидал от мисс Гладких подобной настойчивости, не просто удержала и потянула за собой – бесцеремонно толкнула. Впрочем, под таким ливнем одно из двух оставалось сделать, чтоб не промокнуть до нитки, – либо под навес сбежать, либо в тоннель.

– Два слова! – шум дождевых потоков принудил Инну кричать, куртку инспектора она не выпустила, словно боялась, что тот сбежит.

– Мы не успеем. Смоет в море. Давайте-ка мы с вами лучше смоемся в тоннель.

– Я должна предупредить!

Под деревянными мостками, что у стойки тира, бурлила вода, но не перехлестывала ещё. Матросский костюм индианки промок насквозь и лип к телу, промокли и волосы, вода текла по лицу.

– Вы отсыреете.

– Я должна предупредить, – упрямо повторила она тише, но твёрже. – Не верьте Берсеневой. Она сегодня закатила Яну Алексеевичу сцену. Я слышала. Я была при этом. Она называла его предателем. Кричала, что никогда не простит. Угрожала. Это не он, это она сделала.

«Кажется, говорит искренне. Хотя... Чёрт их разберёт, когда они искренни, а когда нет», – подумал Володя, и наигранно равнодушным тоном спросил:

– Почему вы так печётесь о делах Светланы Васильевны? Пытаетесь выгородить своего... начальника?

– Ничего вы не понимаете! – Мисс Гладких гневно сверкнула очами. – Андрей спасает работу Яна, а я... не выгородить хочу, а добиться справедливости. Вот. Ян вёл себя по-свински, а отвечать Андрю... Андрю Николаевичу. Если кто и виноват во всём, так это я.

– В чём же виноваты вы?

Индианка смутилась, занавесила глаза ресницами. Чтобы расслышать её лепет пришлось наклониться ближе.

– Не то чтобы виновата, просто Ян ко мне... Нет, вы не подумайте, ничего такого не было, я не дала бы ему... Фу, что я говорю?.. Он и я, мы только один раз... говорили об этом. А тут явилась Света, и она...

«Вот и ещё у одной мотив обнаружился. Ревность».

– Потому вы и пытаетесь утопить Берсеневу?

– Утопить? Ничего вы не понимаете! Ну и... ладно! Я вас предупредила, а вы!.. А вы сами теперь хоть утопитесь в этой дряни вместе с Берсеневой!

Выкрикнув, она крутнулась на пятке (Володя заметил, что была босиком) и мгновенно исчезла за мутным пологом водяных струй.

– Постой! – позвал инспектор. Голос завяз в ливне. Инспектор прислушался, но не дождался ответа, различил, как прошлёпали по воде босые ноги и чмокнула дверь тоннеля Гамильтона. В небе сверкнуло. Копьё маяка вонзилось в муаровый бок тучи. И-раз-и-два-и-три-и-четыре, громыхнул гром, но не оглушительно, грозовой фронт отнесло к западу.

«Надо вернуться туда, – думал Володя, – выяснить, что с Яном. И эту стоило бы догнать, расспросить о сцене, которую Берсенева закатила. Когда, где, кто был при этом, с чего началось? Ну, повод известен, она узнала о связи Яна с бывшей его аспиранткой, но почему сцена? Значит, у самой Берсеневой есть какие-то виды на Горина? Неизвестно. Мутно».

Прежде чем снова окунуться в склоку, нужно было привести мысли в порядок. Инспектор повернулся к стойке тира и нашарил ружьё. Шейка приклада удобно легла в руку. «Что удалось выяснить? Сухарев имел мотив лишить Горина памяти, теперь препятствует восстановлению личности шефа и заботится о расшифровке воспоминаний. Кроме того, всё время даёт понять, что действует бескорыстно и во имя науки. Гм-м. Не знаю, не знаю».

Инспектор поднял ружьё, нашёл пуговку замка; щелчок, и перед ним открылся тыльный срез ствола, похожий на лунный диск.

«Что я узнал? Берсенева могла лишить Горина памяти из ревности или чтобы заставить его забыть о привязанности к Инне, но как-то это...» – мотив не показался инспектору убедительным, он рассеянно оглядел стойку и заметил по левую руку (очень удобно) спичечную коробку и в ней горстку серых зёрен. Пульки.

Он аккуратно взяв одну и вложил в ствол – в центре блестящего лунного диска образовалась аккуратная серая лунка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.